

Беренштейн Леонид Ефимович

Опубликовано 06 декабря 2007 года

"Такие командиры партизанских соединений, как Леонид Беренштейн, своими делами были достойны присвоения звания Дважды Героя Советского Союза"

Зам. начальника Украинского штаба партизанского движения

Полковник И.Г. Старинов

"Отряд Беренштейна - один из лучших рейдовых соединений"

Герой Советского Союза генерал - майор Вершигора

Г.К. - Леонид Ефимович, есть такое понятие - живая легенда, и такой легендой, безусловно, являетесь Вы. Беспрецедентные боевые успехи Вашего отряда и Ваши личные боевые достижения отмечены во многих книгах посвященных партизанской и диверсионной деятельности в годы ВОВ. И для нашего сайта очень почетно, что Вы согласились дать интервью. Начнем, с Вашего разрешения. Для начала расскажите о своей довоенной жизни.

Л.Б. - Родился 15/7/1921 года в семье часового мастера Хаима Беренштейна в местечке Шпиков Подольской губернии. В 1926 году отец умер, и моя мама, Рива Львовна Беренштейн, одна растила своих детей. Чтобы как-то нас прокормить, она пошла работать в табачную артель. Со временем мы переехали жить в Погребище, а в 1932 году уехали в Киев. Мама снова вышла замуж за ткача Менделя Ягнетинского. Отчим был грамотным человеком, высокого роста, всегда доброжелательный и у меня с ним были прекрасные отношения. Он погиб в 1941 году в рядах киевского народного ополчения. Жили мы очень бедно... Помню страшные дни голода в 1933 году. По утрам, по улицам разъезжали подводы и собирали мертвых лежащих возле домов. Я учился в киевской школе №58, закончил семь классов, а далее - продолжил учебу в специальной военной артиллерийской школе № 21. Почему сделал подобный выбор, спрашиваете? Хотел быть красным командиром, мечтал о военной профессии. Был неплохим спортсменом. Рядом с домом находился стадион КВО, и я усиленно занимался боксом и гимнастикой. Стал чемпионом Украины по боксу в легком весе. Я еще успел окончить курсы механиков - телеграфистов, и до ухода в армию проработал полгода механиком - радистом на Киевском Центральном Телеграфе. В 1939 году я поступил в Киевское пехотное училище. Вскоре после поступления нас перебросили в Житомир, где на нас в прямом смысле испытывали новый боевой устав РККА, во всех его аспектах. Нарком обороны Тимошенко пытался успеть достойно подготовить Красную Армию к грядущей войне. Марш - броски на 50 километров с последующим форсированием вплавь водных преград стали для нас обыденным делом. Из Житомира, наш набор перебросили в Ростов, и в мае 1941 года, я, получив лейтенантское звание по окончании Ростовского пехотного училища, был направлен для продолжения службы на западную границу, в Перемышльский укрепрайон в 226-ой отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, дислоцированный в районе Белокоровичей, относившийся к Коростенской части линии обороны и подчинявшийся в оперативном отношении, насколько я помню, штабу 5-ой Армии. Командовал нашим участком полковник Скучалин.

Г.К. - Как Вы оцениваете готовность Перемышльского укрепрайона к войне?

Л.Б. - В отличие, скажем, от Брестского УРа, наш укрепрайон был фактически полностью оборудован в фортификационном плане и хорошо оснащен вооружением. Линия ДОТов, траншеи полного профиля, да еще замаскированные огневые точки в скирдах сена, подготовленный по высшему классу личный состав. ДОТы были построены на совесть, например, в такой ДОТ попадало до 70 -ти артиллерийских снарядов, но он оставался целыми его гарнизон мог сражаться дальше. Мы знали, что немцы концентрируют войска у границы, но, многие командиры полагали, что у нас еще есть время усилить укрепления до начала войны. Пакт о ненападении все - таки влиял в какой-то степени на наше подсознание. В отдельный батальон нас прибыло 70 командиров, выпускников Ростовского училища. Я получил назначение на должность ПНШ-1, но в батальоне не было начальника штаба, и мне сразу пришлось занять эту должность. Неожиданный "карьерный взлет".

Г.К. - Сколько продержались на позициях части Вашего УРа после начала боевых действий?

Л.Б. - Мы держались на позициях две недели. А потом, немцы обошли укрепрайон на флангах, и был получен приказ взорвать ДОТы и отходить на восток. С нами отступала 195-я СД, которой на тот момент командовал подполковник Михайлов, мой бывший преподаватель тактики в пехотном училище. Остатки нашего отдельного батальона и отступающие пограничники влились в эту дивизию, и через Белоруссию мы выходили из окружения. На восток вместе с нами шли беженцы, голодные и измученные, с малыми детьми. Из окружения мы вышли в районе Козероги Черниговской области, и там был получен приказ идти на выручку частям, обороняющим Киев.

Г.К. - После первых неудачных боев и горького отступления дух кадровой армии был сломлен?

Л.Б. - Ни в коем случае. Мы были настроены сражаться до последнего солдата. Тем более уже знали, как грамотно бить врага. Когда прорывались с боями к своим, я с группой бойцов пошел на разведку. По дороге шла колонна немцев. Мы пропустили мимо передовой дозор, а потом... Взяли в плен 13 немцев - велосипедистов и захватили рацию. И этот наш успех воодушевил многих солдат, на какое-то мгновение дрогнувших духом и сомневавшихся в нашей будущей победе. Поверьте мне, кадровая армия не была деморализована неудачами летом 1941 года. Но в "Киевском котле", в сентябре, была уже другая картина. Довольно печальная...

К.Г. - Что произошло с Вами в "Киевском окружении"?

Л.Б. - Наша дивизия была разбита в боях и мы отходили на Оржицу, на Полтаву. Танками, немцы загнали остатки дивизии на болотистые островки на реке Сулла. Сначала гитлеровцы прочесывали с собаками заросли камыша в пойме реки, со всех сторон слышались автоматные очереди, крики - "Рус зольдат, плен! Выходи, шнель - шнель!". Но в ответ с островков красноармейцы отстреливались из винтовок. Немцы добивали нас огнем из орудий и минометов. Картечью стрелял. Рядом со мной разорвался снаряд и я потерял сознание. Когда очнулся, то долго не мог понять, где я и что со мной происходит? По мне полевые мыши бегают. Сколько времени прошло с момента нашего последнего боя?... Рядом лежали трупы трех моих друзей. Нестерпимо болела голова и нога. Вокруг тишина, стрельбы не слышно, но раздавались голоса на немецком языке и лай собак. Смотрю на ногу, а из нее осколок торчит. Встать не могу, сил нет. Попил воды из болота. Превозмогая боль, вырвал руками осколок из ноги, осторожно вылез из болота, выбрался из топи на земную твердь и, хромя, пошел к ближайшему селу, до которого было примерно два километра. У меня был с собой пистолет с одной обоймой и граната "лимонка". Потом нашел на земле брошенную кем-то палку. К вечеру осторожно доковылял до села, а мимо меня проносится колонна немецких автомашин. Затаился, и в сумерках пробрался к крайней хате. Хозяин запустил в дом, накормил горячей картошкой, хлебом и салом, помог перевязать раненую ногу. Хозяин

сказал - "Сынок, здесь в селе уже немцы, но на востоке еще слышна канонада, идет бой". Уже ночью в дом зашла группа командиров Красной Армии, все уже в гражданской одежде, такие же бедолаги, как и я, "окруженцы".

Судя по выправке, манере поведения и возрасту это были старшие командиры. Доложил одному из них, кто я такой, и из какой части. Он сказал мне - "Лейтенант, вам, в первую очередь, надо переодеться". Хозяин сразу - "Снимай сынок форму, я дам тебе одежду". Командиры стали спорить между собой, что делать дальше. Один из спорящих, старший по возрасту и, видимо, по званию, сказал следующее - "Киев взят немцами. Впереди нас - непроходимое болото, а все дороги забиты врагом. Обстановка тяжелейшая. Путь на восток для нас сейчас закрыт.

Я предлагаю, идти за Днепр, на мою родину в Черкасские леса, и там организовать партизанский отряд". Один из присутствующих командиров ему возразил - "Нет, Устин Андреевич, я с комбатами попробую перейти линию фронта". Тот ответил - "Желаю удачи. Тут все по доброй воле".

Они еще долго спорили, что предпринять. Я обратился к Устину Андреевичу - "Готов идти с вами". Но он сказал - "Ты же хромаешь, как ты с нами пойдешь? Отлежись, а потом двигай вслед. Пробирайся на Балаклею, мы будем в Смелянском лесу, там нас и найдешь. Место встречи на Юрьевой горе". И приказал одному из своих товарищей - "Старший лейтенант, выдайте ему справку и сочините подходящую легенду". У одного из командиров, старшего лейтенанта, был с собой набор печатей и бланков. Там же, в хате, при свете "керосинки", он "смастерил" мне справку - "Васильев Владимир Евстафьевич, из села Терновка Смелянского района Черкасской области, был на окопных работах, и следую домой, по месту проживания".

Старший лейтенант добавил - "Ты лейтенант очень молодо выглядишь, и это даже тебе сейчас может пригодиться. В Терновке раньше был детский приют и там такой паренек точно был, вы с ним сильно похожи. Я сам жил в Терновке. Только весь приют во время голода в тридцать третьем году разбежался, кто куда". И он мне рассказал, где находится Терновка, как выглядит незнакомое мне село и приют. На прощание мы крепко пожали друг другу руки. Группа ушла...

Хозяин приготовил для меня одежду - латаный - перелатаный ватник, рваная синяя косоворотка, брюки с заплатами на коленях и старый, поношенный картуз без козырька. Но мои хромовые сапоги, хорошо пригнанные по ноге, сразу выдавали во мне командира. Пришлось, скрепя сердцем, пройти бритвой по хромовым голенищам. Следующей ночью я двинулся в путь. Решил идти только ночами, обходить села стороной. Днем прятался в некошенных хлебах, отсиживался в скирдах и в глухих перелесках, и как только темнело - сразу шел дальше. На третий день я съел последний кусок хлеба, но в поле, опытный человек, от голода не пропадет. Попадались бураки, шиповник, а главное - сколько хочешь хлебных колосьев. Пришлось видеть, как немцы гонят по дорогам колонны пленных. Я тогда еще многого не мог понять и все думал - "Как это, почему сдались!? Да там всего десяток конвоиров! Почему они на немцев не набрасываются?". Один раз я даже увидел издали расправу над пленными.

По дороге конные немцы гнали группу пленных. Били их прикладами, хлестали плетками, а потом завели в лесок, и раздались звуки стрельбы. После этого немцы выехали на дорогу, и как ни в чем не бывало, поскакали дальше к селу. Пробрался в этот лесок, а там - только тела расстрелянных. Я понимал, что моя справка о "возвращении с окопных работ" для немцев и полицаев всего лишь бумажка, и она не спасет при серьезной проверке. На восьмой день, на рассвете, я вышел к Днепру. К реке вела длинная насыпь. Мост через Днепр полностью сгорел, из воды торчали только черные деревянные "быки". Долго смотрел, что творится по

сторонам. И выяснилось, что к переправе я вышел не один. Меня обгоняли люди в оборванной одежде, по походке которых можно было сразу сказать, что это бывшие военные - их выдавала привычка чеканить шаг.

Люди были насторожены, часто оглядывались. Я шел к краю насыпи, к переправе, и думал, а что делать с гранатой и пистолетом? А вдруг впереди полицейская застава? Но заставы не было. На переправе, в лодках сидели, лениво покуривая, несколько полицейских с винтовками и синими повязками на рукавах, и с безразличным видом грызли семечки. Никого у лодок не обыскивали и документов не проверяли. Лодки постепенно набивались до отказа, желающими перебраться на противоположный берег. Я залез в одну из лодок, полицией даже глазом не повел. Спокойно причалили к правому берегу. И тут полицией вскинул винтовку и грозно крикнул - "Ни с места! На берег выходить по одному и строиться! Кто вздумает бежать - получит пулю. Пойдете в лагерь, на проверку. Шагом марш!". И в это время из прибрежных кустов вышло еще два десятка вооруженных немцев и полицейских. Все, попались... Нас построили, и повели под конвоем в Черкассы. Самое интересное, что полицией не удосужились нас обыскать.

Привели в Черкасский проверочный лагерь, расположенный на территории рынка. Базарная площадь, кое - где огороженная колючей проволокой. В тени у ларьков сидели сотни людей. К нам вышел одетый в новую комсоставскую форму полицией и, поигрывая плеткой, громко сказал - "За побег из лагеря - расстрел на месте! Завтра пройдет проверка, а там разберемся, кому что положено!". Мы смешались с толпой пленников. Из разговоров выяснилось, что лагерь существует третий день, а кормили его узников только один раз, и то, какой-то бурдой. На чахлой траве лежали вповалку измученные, исхудавшие люди, и многие, томимые жаждой, пили из грязных, облепленных мухами ведер, мутную воду. И я понял, что надо немедленно бежать из этого лагеря.

Г.К. - Бежали в тот же день?

Л.Б. - Да. Проволочное ограждение было невысоким. Но рядом с забором лежали мотки проволоки и колья. Немцы могли в любой момент обнести лагерь и прилегающие улицы неприступным колючим забором. Я стал наблюдать за часовыми. Полицией несли караульную службу не очень старательно, часто подходили друг к другу, закуривали, и долго вели разговоры.

Дождлся сумерек, подошел к самому крайнему ларьку и принялся следить за часовым. И когда он, шагая вдоль ограждения, встретился с напарником и стал у него прикуривать, я перемахнул через колючую проволоку и не щадя раненой ноги кинулся в кусты. Часовые ничего не заметили, продолжали разговаривать о своем. Удачно я момент подобрал. Прислушался - тихо. Погони нет.

И я зашагал по ночной дороге, сжимая в кармане пистолет с патроном в стволе. Днем прятался в лесу. Но на следующий день я зашел на рассвете в село Белозерье, и там меня сцапала местная полиция. Нарвался сразу на группу полицейских. Хорошо, что я успел спрятать свое оружие в роще, еще до входа в село.

Это село всегда считалось бандитским, и в войну, добрая половина белозерских служила у немцев полицаями и карателями. Начали допытываться - "Окруженец? Коммунист? Признавайся!". Я достал свою справку, но старший полицией, пробежав глазами, текст справки, еще больше озверел - "Так ты гад оборону красным строил!? Против нас работал!? Гони его в участок, там разберемся. И не оглядывайся, падла, а то отведаешь приклада! Село большое, вели меня долго. Вдруг чубатый полицией скомандовал - "Приставить ногу!".

Я машинально остановился и выпрямился. Чубатый злорадно улыбался - "А говоришь не военный! Мы тебя, комиссарика, сразу раскусили!".

Привели в участок, чубатый побежал обо мне докладывать.

Завели к начальнику полиции. Тот, держа в руках мою справку, начал "беседу" - "Что, большевицкий комиссар, говоришь из Терновки? Детдомовский выкормыш? И где же ты там жил? На Октябрьской улице, говоришь? Но мы проверять не пойдем, зачем нам ноги зря бить. За то, что ты, сволочь, укрепления Советам строил, тебя следует повесить на первом суку! А сапоги то на тебе командирские! И не брещи, что ты сапоги на дороге подобрал, они по твоей ноге пошиты!".

Он подошел ко мне поближе, пригляделся и, злобно оскалившись, сказал - "Хлопцы, да вы жид пархатого поймали! Он же жид!".

Сложил вчетверо мою справку и, усмехаясь, засунул мне ее в карман - "На том свете предъявишь! Давай его пока в подвал, а потом - в расход!".

Чубатый провел меня через большой пыльный двор, а затем - втокнул в подвал.

А подвал тот - "каменный мешок" с крысами, и дверь на засове, прочная, дубовая. Надежд не оставалось... И вскоре открылась дверь, и пьяный полицейский сипло выдохнул - "Выходи!". И когда я увидел, что два пьяных полицейских, которые поведут меня на расстрел, не взяли с собой веревку, то у меня забрезжил лучик надежды, значит, связывать не станут, и теперь все будет зависеть от риска и моей удачи. Повели через площадь. Я выжидал, понимая, что сейчас бежать рано, а за околицей будет поздно. Решил, что отойдем подальше от полицейского участка, а там - или пан, или пропал. Длинные тени конвоиров падали на дорогу и я мог следить за каждым их движением. Напарник предложил чубатому закурить, за спиной у меня чиркнули спички. И в ту же секунду я перемахнул через плетень, промчался по дворику и влетел в посадку кукурузы. Вслед раздались несколько выстрелов, однако кукурузное поле "поглощило" меня. В ноге появилась невыносимая боль, я даже сначала не понял, это старая рана или в меня сейчас попали. Остановился, затаился, бросился на землю. Полицейские искали меня по полю, я слышал, как трещали и ломались под их сапогами кукурузные стебли, но в поле темнело, и вечерний мрак заставил полицейских прекратить поиски.

Они остановились в нескольких метрах от меня, и один из них сказал - "Ушел, гад... Ну и черт с ним... Скажем - шлепнули...".

Я лежал, почти не дыша, боясь пошевелиться.

В густой тьме осторожно выбрался из кукурузы, вернулся на то место, где спрятал пистолет и "лимонку" и пошел в лес.

Так что, уже осенью сорок первого года, человеческая жизнь на Украине ничего не стоила. Один косой взгляд врага - и ты обречен на расстрел.

Красная Армия далеко, и никто не защитит от произвола головорезов, немецких прислужников...

Г.К. - Вам удалось добраться до места сбора в Смелянских лесах?

Л.Б. - Да. Но лес был пуст. Я бродил по нему, напрягал слух, всматривался в ночную темень, надеясь увидеть партизанские костры. Четверо суток я продолжал лесные поиски, но все

тщетно, партизан там не было. Начались проливные холодные дожди, промок до нитки, от холода зуб на зуб не попадал.

Я забрался в копну сена, понимая, что если я не хочу замерзнуть и помереть с голоду - надо снова пускаться в путь, искать добрых людей. Пошел в Балаклею,. По узкой тропке добрался до ближайшей хаты, ноги заплетались от усталости, как о манне небесной я мечтал о куске хлеба. Из сарая вышел с вилами в руках широкоплечий мужчина и я, поравнявшись с ним, сказал - "Добрый вечер, хозяин. Вам работники не нужны? Могу хлеб молотить, крышу соломой покрыть" - "Это хорошо, что все можешь, а документ у тебя какой-нибудь есть?" - "Справка есть, вот, я с окопных работ домой иду" - и достал из кармана, к моему ужасу, совсем раскисшую от дождя справку.

Он ответил - "Я Хоменко Петро Афанасьевич, не полицай и не комендант. Проверять бумажку не буду. Ты, вот что, помойся у колодца и заходи в хату".

На еврея я внешне не был сильно похож, и поэтому, зашел к нему относительно спокойно. Четверо суток я провел в его хате. Он сказал, что в Смелянских лесах и на Юрьевой горе все тихо, про партизан ничего не слышно, что по всем селам идут полицейские облавы в поисках окруженцев, и у них в селе, начальник полиции, зверюга по фамилии Шатайло, развесил объявления - "За укрывательство красных командиров, жидов и комиссаров - расстрел".

А вечером, послышался лай собак, а потом стук в дверь - "Хоменко, открывай!". Хозяин мне сказал - "Сынок, быстро полезай на печь", а сам долго возился с крючком. На печи, на старом матрасе, лежала больная старушка, мать хозяина, вот под этот матрас я и втиснулся. Слилсся с трухлявой соломой дырявого матраса и замер. Лежу и думаю : все, хватит, живым не дамся.

Полицай обыскали всю хату, которая сотрясалась от их рвения.

Шатайло стал допрашивать Хоменко - "Где твой квартирант!?" - "Ушел еще вчера" - "Куда ушел ? Куда?! Врешь!" - "Говорю чистую правду. Крест святой. Поднялся и ушел, а куда - не сказал. Наверное, в Смелу. Он сам терновский". -

"А ты что, паспорт у него смотрел?" - "Видел паспорт, и справка у него была, с окопных работ идет" - "А если мы в твоей хате найдем этого человека ? Знаешь, что тебя ждет ? Всех повесим, и тебя и жинку твою! И детей твоих повешу! Признавайся, где прячешь окруженца?!" - "Нигде я его не прятал, он сам ушел" - "Брешешь, собака ! Он не мог далеко уйти! Мне верный человек сказал - в хате гость ночует!". Полицай проверили чердак, под их сапогами трещал потолок. Один из них заглянул на печь. Старуха запричитала со стонами - "Ох, господи! Спокойно помереть не дадут!", но полицай вскочил на лежанку и, спрыгнув, сказал - "И на печке пусто. Ушел все- таки окруженец краснопузый!".

Шатайло пригрозил хозяину - "Ну, Петро, твое счастье, если правду сказал. Если еще кого приютишь, я вас всех перевешаю, а хату спалю вместе с твоей Прасковьей! А пока прощай, и заруби все, что я сказал, себе на носу!".

Потом загремели железные подковы сапог, грохнула дверь и старушка сказала мне - "Сынок, вылезай, ушли они". Петр Афанасьевич проговорил - "Вроде пронесло. Уф! Аж весь взмок. Но тебе оставаться у нас дальше нельзя. Кто-то из соседей доносит немецкому коменданту. Застукают нас - сам понимаешь, что сделают". Хозяйка быстро собрала мне торбу в дорогу : каравай хлеба, кусок сала, луковицу.

Я горячо поблагодарил семью Хоменко за спасение, Петр Афанасьевич вывел меня на огород и показал дорогу на Смелу. Шел по лесным тропинкам. И в этом лесу не было намека на партизанские стоянки. Мною овладело отчаяние.

Начался холодный дождь. залез на дно старого окопа, развел костер, пытался согреться. А на следующий день случилась новая напасть - стеной повалил мокрый снег, и было ясно, что надо выбираться к жилью, скоро грянут морозы, и я в своем дырявом ватнике - просто замерзну. За эти дни я настолько ослабел, что шел как в густом тумане. На опушке прилег отдохнуть и задремал прямо на снегу. Вдруг кто-то меня тормошит за плечо - "Сынок, ты, что здесь лежишь?". Открываю глаза - передо мной стоит старая седая женщина.

Говорю ей - "Устал мамаша, из сил выбился" - "А куда ты идешь? Откуда будешь?" - "Откуда? - и тут вспомнив о справке, выданной мне старшим лейтенантом в селе Новоселецком, отвечаю - Из Терновки" - "И я иду туда. Пошли со мной". Зашагали вместе по лужам, мокрому снегу - "Ты, чей будешь?" - "Ничей...Из детского дома я" - "Господи! - она остановилась - Так ты один вернулся? Ты меня не узнаешь? Я Анна Алексеевна. Гордиенко. Я же заведующей приютом была. Как твоя фамилия?" - "Володя Васильев"- выдавил я из себя, чуть не споткнувшись от такого неожиданного поворота событий. - "Васильев? А я тебя не помню. Подожди, а может... Как ты изменился! Похудел, почернел, одни косточки остались, и узнать тебя трудно. Что война с людьми делает! Так что с тобой Володенька приключилось?" - " Рыл окопы, попал под бомбежку, осколок ногу зацепил". Мы шли несколько часов против сильного ветра, как в атаку - пригнувшись. Разговаривать было трудно. Дошли до Терновки и запетляли по ее узким улочкам. Добрались до убогой хатенки, я соскреб с сапог грязь, и мы зашли внутрь. Это такое блаженство - после долгих скитаний под дождем оказаться в натопленной хате.

Несколько дней я пробыл в хате, починил крышу, помог на огороде.

А потом Анна Алексеевна мне сказала - "Сынок сходи к старосте Гречкосею, в управу, возьми справку для паспорта. Скажешь, Гордиенко из приюта послала". Прихожу в управу, а там сидит староста, вместе с полицейским и секретарем, и орет на нескольких женщин, ругает за неуплату налогов.

Смотрит на меня - "Кто такой? Зачем пришел? Чего надо?" - "У меня к вам дело, пан староста. Я сам терновский, жил в приюте, а меня вывезли на окопные работы. Вот справка. Меня Владимиром зовут. Васильев фамилия" - "Ну-ка, давай ее сюда". И вдруг, одна из находящихся в комнате женщин, запричитала - "Володенька мой, как ты измучился, как исхудал. Видать хлебнул горяшка! Хорошо хоть вернулся, а я уж не чаяла тебя увидеть, думала, ты свою головушку сложил!". Она, рыдая, бросилась меня обнимать. Староста, пыхтя сигаркой, сказал ей - "Что плачешь, дура - баба, аж уши заложило. Пришел и ладно...Так что тебе детдомовец надо?" - "Говорят...Теперь документ нужен".

Староста повернулся к секретарю управы - "Напиши ему справку, что он наш, терновский. Пусть идет в Смелу, в полицию, и получит там паспорт". Через полчаса в кармане моего выдавшего виды ватника лежала необходимая справка.

Думал, кто меня спас - Бог или судьба? Случайное совпадение?

И мысленно благодарил незнакомую женщину, "узнавшую Володю Васильева". Однако, в будущем, я избегал встречи с нею, боялся, что она обнаружит свою ошибку. А на следующий день по непролазной грязи я пошел в Смелу, под бесконечным дождем. По дороге узнал от попутчиков, что даже со справкой из сельской управы можно спокойно очутиться за колючей проволокой, попасть в смелянский лагерь на расстрел. Полиция находилась в старом угрюмом особняке.

Подавал дежурному справку, он мне коротко бросил - "Следуй за мной".

Завели в комнату начальника полиции. Тот, молча, посмотрел на справку, а потом уставился на меня ледяным взглядом. Вышел из-за стола, и снова стал пристально вглядываться в мое лицо и ходить вокруг меня. В полицию я зашел с гранатой, и в этот момент думал только об одном - успею, если что, вырвать чеку, или нет. Потом начальник сел за стол, размашисто написал на терновской справке - "Выдать паспорт", и на словах добавил - "Не смей валять дурака. Новая власть не любит лентяев!". Так я "легализовался"...

Г.К. - Когда в Терновке была организована подпольная группа?

Л.Б. - Уже в ноябре сорок первого года. В селе находилось несколько "примаков" - окруженцев. Сначала познакомился с одним из них, человеком двухметрового роста, с командирской выправкой. Он представился Владимиром Ленским. Потихонечку "прощупывали" друг друга, говорили о происходящем вокруг.

Я не торопился выкладывать ему как на духу, что являюсь лейтенантом Красной Армии. И когда мы поняли, что можем доверять друг другу, он свел меня со своими друзьями, единомышленниками, решившими продолжать борьбы не на жизнь, а на смерть, в немецком тылу. Собрались в хате у Ленского, было еще пять человек. Трое из них были из одной части, из одного артиллерийского дивизиона, разбитого в бою под селом Подвысокое. Каждый рассказал о себе.

Старшим среди нас по званию был капитан Константин Бондаренко, командир этого дивизиона. С ним пришел политрук Роман Шерман, еврей, выдававший себя за грузина Симона Гоглидзе, Володя Ленский на самом деле был командиром стрелковой роты, лейтенантом Ромуальдом Владиславовичем Тышкевичем.

Сержант Вася Уманский, который служил в роте под командованием Ленского.

Он был местный, терновский. Уманский помог своему раненому ротному, дойти вместе с ним до села. Следующим был, молодой парнишка, красноармеец.

Ефрем Кондратенко. Его, раненого, подобрали на поле боя местные жители, укрыли в селе и выходили.

Я представился лейтенантом Васильевым, сказал точные номера частей, в которых служил, и места боев, в которых пришлось участвовать.

Бондаренко сразу сказал собравшимся. - "Мы начинаем снова сражаться. Кто колеблется, сомневается, или не чувствует себя готовым к борьбе - пусть сейчас сразу уходит". Таковых не нашлось. Бондаренко продолжил - "Мы все давали воинскую присягу Родине. Так давайте сейчас поклянемся друг другу в верности нашему делу!". И все мы сказали - "Клянемся!". Начали считать оружие.

У Ленского - обрез с тремя обоймами. У меня - пистолет с гранатой.

У Гоглидзе - винтовка, у Ефрема было три винтовки, но все без патронов.

И когда Вася Уманский предложил сделать налет на управу, Бондаренко ему ответил - "У нас 37 патронов и одна граната. В управе два десятка полицейских с ручным пулеметом. Даже если мы их всех уничтожим, на следующий день в Терновку нагрянут каратели и сожгут село. Это будет опрометчивый шаг и нам он, пока не подходит. Надо накопить оружие, подобрать еще верных людей, и вот тогда - начнем". Ленский его поддержал - "Мы даже пока не знаем, где проходит линия фронта и, какая там сейчас обстановка. Немцы говорят, что давно Москву взяли. Надо добыть радиоприемник. Радио - это тоже оружие. Будем

писать листовки". Я сказал - "Рядом с нами железная дорога. Станция в двенадцати верстах. Надо подумать, как пустить под откос немецкий эшелон. Если мы найдем надежных людей на станции Шевченко, то это дело представляется мне реальным. А весной, когда зазеленеет, можно будет уйти в леса". На том и порешили, начать с железной дороги. Так начиналась наша борьба во вражеском тылу.

Г.К. - Как удалось попасть на такой крупный и хорошо охраняемый железнодорожный узел, как станция Шевченко?

Л.Б. - По селу ходили слухи, что немцы хотят восстановить паровозоремонтный завод и привести в порядок разрушенную при бомбежках железнодорожную станцию, и что они нанимают рабочих. Поскольку, я, единственный из нашей группы, имел какой-то документ, то мне пришлось идти на разведку, чтобы узнать, что происходит на станции, и можно ли устроиться на работу без паспортов. Пошел на станцию вдоль железнодорожной насыпи, стараясь не попасться на глаза полицаям. Когда подходил к узлу, то видел следы случившейся здесь невообразимой катастрофы. Казалось, будто десятки эшелонов на полном ходу налетели друг на друга. На рельсах лежали "скелеты" перевернутых вагонов и опрокинутых платформ. Везде торчало искореженное железо, некоторые ветки были превращены в кладбище паровозов. Работали две колеи и на них стояли готовые к отправке два эшелона с войсками : немецкий и румынский.

А рядом, на расчищенных запасных путях - еще два санитарных поезда, заполненные ранеными. Я обрадовался, значит, еще бьет врага наша родная Красная Армия. Мимо меня, к водокачке, под конвоем провели колонну истощенных, измученных каторжной работой военнопленных.

Серые шинели, превратившиеся в лохмотья, у всех запавшие от голода глаза на черных лицах... Они шли по глубокому снегу в деревянных колодках.

Я добрался до здания, на котором висела табличка - "Контора по найму рабочей силы строительной фирмы РУШ".

На стене объявление - "Требуются рабочие всех специальностей".

В конторе находился немец, в мундире без погон, а за письменным столом сидела молодая женщина. Я подошел к ней и спросил - "Какие нужны документы для устройства на работу?" - "А что у тебя есть?" - "Паспорт" - "Это подойдет. Садись, пиши заявление и укажи номер документа. Раз в неделю будешь получать паек и марки. Вот тебе документ на право хождения по железнодорожному парку. С ним ты можешь также ездить в рабочем поезде. На работу можешь выходить хоть прямо сейчас". Я спросил - "У нас в селе есть еще желающие работать, только у них из всех документов, только справки с места жительства. Могут ли они прийти к вам?" - " Пусть приходят. Пока я здесь сижу - всех оформлю".

Я буквально прибежал назад, в село, и радостно сообщил товарищам, что Москва стоит и сражается, что видел немецкие санитарные эшелоны, набитые ранеными.

А пока я ходил на станцию, Ленский и Гоглидзе из резиновых набоек сделали печать и "сработали" справки ничем не отличающиеся от документов из сельской управы. На следующий день мы, всей группой, устроились на работу.

Паек, положенный рабочим, состоял из 200-300 граммов "хлеба" - просынная шелуха с примесями. Резать его было невозможно, этот "хлеб" моментально крошился. Выдавали еще две пачки махорки на неделю и шестьсот рублей оккупационными марками, но на эти деньги нельзя было ничего купить, эти бумажки ничего не стоили. Мы все знали слесарное дело, но

понимали, что одновременный приход на работу целой группы квалифицированных рабочих сразу вызовет интерес у гестапо и полицейских ищеек, мол, слесаря - значит, работали на заводах, а откуда в Терновке заводы?

Да и слесарь "прикован к станку", к верстаку, а нам нужна была мобильность, чтобы вести разведку и находить людей для подпольной работы.

Я и Ленский стали работать чернорабочими в бригаде по переноске шпал, Бондаренко попал к плотникам, Кондратенко в каменщики.

Руководил восстановлением вагоноремонтного завода немец, инженер - строитель по фамилии Рупа. Жирная сволочь, одетый в щегольскую кожаную куртку и краги, ходил постоянно с плеткой, и, путая немецкие и русские слова, ежеминутно обещал рабочим - "спустить шкур". Он лично проверил, умеет ли Бондаренко плотничать, а Кондратенко работать каменщиком.

И только после этого нам выдали рабочие металлические номерки.

Рабочий день длился по 14 часов. Изнурительный труд, подъем чуть свет, двенадцать верст до станции, а потом - снова лопата, щебень, тяжелые носилки и шпалы, тачка, и опять - вездесущий пан Рупа и наш бригадир Тарасенко.

Когда была распутица, мы на рассвете шли в Малую Смелянку, и там дожидались рабочей летучки - поезда, составленного из пяти обшарпанных грязных вагонов. Сорок минут езды до станции Шевченко, которую немцы вновь переименовали в Бобринскую, возвратили старое название. И в этих прокуренных вагонах мы собирали по крупицам нужную информацию, люди в поезде ехали на работу из разных мест. Что только не наслушаешься : то в одном селе обыски, то в другом повальные облавы. Каждую ночь кого-то разыскивают, арестовывают, вешают, расстреливают, старосты и полиция составляют списки неблагонадежных и списки молодежи для отправки на работу в Германию. Послушаешь - земля стоном стонет. Откровенно мыслями никто особо не делился, в теплушках были и тайные доносчики гестапо. Но иногда можно было почерпнуть очень полезную информацию. Сидят в выгоне четверо парней и режутся в карты.

При этом сетуют на судьбу, как окруженцы - "примаки" в селах всех красивых дивчин - невест "порасхватили". Один говорит - "У нас в Терновке - 15 окруженцев, а в Малой Смелянке - 10". Его партнер по картам стал загибать пальцы - "А в Великой Яблоновке - двенадцать армейских, в Виске - восемь, в Гречковке - человек десять". Все знали! И с этих слов нам было понятно, где искать резервы для будущего отряда.

Навскидку посчитали -75 кадровых военных в ближайшей округе.

Г.К. - На станции уже была, какая-та отдельная подпольная группа?

Л.Б. - Группа была.

Настоящие люди, верные патриоты нашей Родины. Расскажу о них подробно.

Наш бригадир Тарасенко. Как только мы пришли работать на станцию, то сразу почувствовали, что он за нами внимательно наблюдает. И когда он подошел ко мне с Ленским, и, посмотрев на носилки с горкой груженые кирпичом, вдруг заявил - "Слишком стараетесь. Ваше усердие к добру не приведет".

Странное поведение для бригадира на немецкой службе. А может провокатор? - подумали мы. А потом, как-то, бригадир Тарасенко мне говорит, в упор - "Вы, терновские, все "кадровики". Четко поворачиваетесь через левое плечо, шаг и выправка у вас у всех - армейские. Скажи своим товарищам, что "притушить" все это надо, да и у тебя, за версту видать, как на лбу написано - минимум, лейтенант РККА". Решили рискнуть и поговорить с ним в открытую.

Тарасенко оказался "кадровиком", капитаном, бывшим "особистом" из 56 -го полка 4-ой дивизии войск НКВД, и настоящее его имя было - Петр Яковлевич Хижняков. Он попал в плен в киевском окружении, смог выбраться из дарницкого лагеря военнопленных, и скрывался в этих краях, выдавая себя за бывшего учителя математики Тарасенко. Он сам не сидел, сложа руки, и уже создал свою подпольную группу, готовую к решительным действиям.

Одним из членов его группы был Сергей Косяченко, слесарь кондукторского резерва станции Шевченко. Будка, в которой Косяченко ремонтировал фонари кондукторам, являлась прекрасным наблюдательным пунктом, находилась прямо в тридцати метрах перед зданием железнодорожной жандармерии, и позволяла одновременно вести наблюдение за прибытием и отправкой поездов, и заодно - за жандармами. Да еще жандармы и полицаи повадились заходить к Сергею на чарку самогона- первача, часто "развязывали" свои пьяные языки, сообщая нужную нам информацию. Через Косяченко я познакомился с Иваном Кабаченко, с человеком, ставшим моим верным другом и соратником в партизанской борьбе.

Кабаченко был "белобилетник" по болезни сердца, в армию с началом войны не призывался, но был полон решимости воевать. Он жил на хуторе Кавказ в окрестностях села Малая Яблоновка, и вскоре, после того как мы с ним познакомились, Иван пригласил меня и Ленского к себе на хутор.

И когда Иван достал из тайника в сарае радиоприемник, то не было предела нашей великой радости и изумлению. И когда он включил приемник, и мы слышали, сквозь слабый треск - "Говорит Москва!", - то на наших глазах заблестели слезы. От сильного волнения мы даже не могли понять, о чем говорит диктор, в ушах звучали два могучих слова - "Говорит Москва!".

Только потом до нашего сознания дошел текст. Оказывается, немцы разбиты под Москвой, идут бои под Тихвином и Ростовым, что наши войска прорвали оборону противника под Барвенково и Лозовой.

Нашим активным подпольщиком был и Николай Калиниченко, шофер немецкого коменданта станции. Вскоре мы вышли на подпольную группу Павла Цаплюка. На станции Помошной мы установили связь с местными подпольщиками, которыми руководил кадровый командир капитан Похилько, вместе с бывшими солдатами Красной Армии Царенко и Имасом.

О них позже я расскажу более подробно. Имас вообще был уникальный человек, изумительный хладнокровный боец и диверсант экстра- класса.

Одним словом, за два - три месяца, наша подполье "накрыло" сетью станцию и все окрестные села. Пришла пора активно действовать с оружием в руках и переходить к серьезным диверсиям и к актам саботажа.

Г.К. - Раскидывая такую широкую "паутину" подпольных ячеек, вы не боялись провала? Нарваться на провокатора или осведомителя гестапо на Украине в начале 1942 года, было легче простого.

Л.Б. - Вы правы, немцы постоянно вели поиски подпольщиков, да и вообще, поиски любых инакомыслящих и несогласных с нацистским режимом.

И "проколоться" было очень легко. И даже я, старавшийся все время быть начеку и контролировать свое каждое слово, один раз фактически выдал сам себя. Говорит мне один из товарищей по работе - "Приходи вечером на Кавказ".

Я переспросил - "Какой еще Кавказ в наших - то краях".

Товарищ удивился - "Какой же ты терновский, если нашего хутора не знаешь!? А говоришь, местный...".

А Кавказ - это название ближайшего к Яблоневке хутора.

Но провалы были, особенно на первых этапах нашей борьбы.

И только благодаря стойкости и мужеству наших товарищей, выдержавших изуверские мученические пытки в застенках гестапо, погибших, но не выдавших подпольщиков, организация продолжала работать.

Расскажу о нескольких таких трагических эпизодах.

Переводчиком коменданта станции был некто Григорий Бондаренко, однофамилец нашего Константина.

Он сразу привлек внимание Калиниченко, который рассказывал, что переводчик никогда не бьет задержанных жандармами подозрительных людей, зато полицаев за малейшую оплошность бьет со всей силы по морде, ломает скулы, приговаривая - "Здесь вам не советская милиция!".

Со слов Калиниченко, переводчик Григорий Бондаренко часто затевал карточные игры с немецкими и румынскими офицерами, ловко выпытывая во время игры все детали о вооружении частей и пути следования.

Ну, зачем, картежнику, подобные сведения? И решили пойти ва- банк.

Я пошел на встречу с Бондаренко. Он оказался настоящим советским патриотом, и его сведения спасли многим из нас жизнь.

Бондаренко сообщал, не только о движении поездов на нашем узле, но и, например, данные совсем другого рода - благодаря ему, мы узнали, что на станцию и в ее окрестности направлены 25 выпускников Славутской специальной школы гестапо, готовившей провокаторов - шпионов и специалистов по борьбе с подпольем.

Бондаренко предупреждал, когда намечаются облавы и обыски в пригородных поездах и селах, доставал списки людей намеченных к арестам.

Но Бондаренко сам попал в лапы гестапо по трагическому стечению обстоятельств, по нелепой случайности. Среди задержанных на станции Бондаренко узнал одного из своих довоенных товарищей. Он выручил его из беды и привел к себе на квартиру. Тот выпался, обжился, и когда Бондаренко был в комендатуре, решил прокатиться по городу на его велосипеде.

Только выехал, а тут полицаи - "Стой, ты что, у нашего переводчика велосипед украл?!". Тот говорит - "Да, не крал я". Привели этого товарища в полицию на допрос, стали избивать, он и "раскололся", что переводчик на самом деле не украинец Бондаренко, а еврей и бывший армейский командир.

Когда Бондаренко вели на расстрел, он пытался бежать. И даже оторвался от палачей, но был настигнут и убит выстрелами в спину.

Перед тем как его вели на расстрел, он сказал своим товарищам по камере - "Жаль, рано...Многое не успел...".

Погиб в гестапо и Вася Уманский, один из первых наших подпольщиков.

Он нарвался на провокатора, который сказал Василию, что знает, где на паровозоремонтном заводе находится тайник с оружием, зарытый в землю красноармейцами, при отступлении. Вася пошел проверить информацию с тремя товарищами. Вечером, они щупами обыскали все места указанные провокатором.

Там их и взяли... Все они мужественно вынесли пытки и были казнены.

И таких горьких случаев было еще несколько...

В гестапо на станции был палач - "пан Гриша", бывший профессиональный борец. Зверь, каких мало. Забивал людей насмерть несколькими ударами плетки с оловянным наконечником. У него в подвале были специальные пыточные станки, на которых несчастным узникам ломали кости. Пан Гриша работал не один, а с четырьмя подручными. Из этого подвала никто живым не ушел.

Кроме меня и старшины Клейменова. Об этом эпизоде я еще расскажу...

Г.К. - Какие действия против немцев предпринимались на первом этапе деятельности подполья на станции Шевченко?

Л.Б. - Начинали с "азов" подпольной и диверсионной деятельности. Распростряли листовки, засыпали песок в буксы паровозов, резали тормозные шланги, выводили из строя паровозы, воровали оружие из запломбированных вагонов, выводили из строя авиационные моторы на открытых железнодорожных платформах, переводили стрелки, чтобы вызвать крушение поезда, и многие другие мелкие диверсии. Но мы, на первом этапе, воздерживались от прямых вооруженных нападений на немецких солдат в районе станции.

Уже весной сорок второго года, наш подпольщик Калиниченко сделал первую мину - "самоделку". Изготовили цилиндр, внутри аммонал, приспособили взрыватели от гранаты Ф-1. Присоединили к мине телефонный немецкий провод - и заряд был "готов к работе". На эту первую нашу серьезную диверсию пошли втроем : Кабаченко, Миша Данильченко и я. Выбрали участок железной дороги между селами Гречковка и Малая Яблонька, там, где дорога делала изгиб на небольшой возвышенности. Подход к железнодорожному полотну был удобным : овраги, густая посадка и недалеко лес. Этот участок слабо охранялся.

Только раз в час проходила дрезина с двумя немцами и двумя полициями.

И мы пустили под откос эшелон с живой силой.

В составе было также три танка на платформах. Два танка мы вывели из строя, а третий, как потом рассказывали немцы на станции, они могли восстановить.

Задержать движение поездов мы смогли всего на шесть часов. Мы проанализировали свои действия и сделали несколько выводов.

Надо было рвать мину под паровозом, тогда бы немцам так быстро не удалось восстановить движение составов. Взорвали мину возле блокпоста, и полицаи сразу доложили на станцию. Оттуда прислали кран, который освободил пути от разбитых платформ и ремонтные путевые бригады довольно скоро расчистили и отремонтировали полотно.

Сразу после этой диверсии немцы резко усилили охрану железной дороги.

Дрезины, как маятники, носились по участкам, и на каждый километр пути немцы выставили по 2-3 солдата. Сразу гестаповцы взяли под особый контроль село Гречковку, которое считалось "железнодорожным поселком", там преимущественно жили паровозные машинисты, кондуктора, стрелочники...

В Гречковку прибыл для усиления охраны железной дороги новое немецкое подразделение, отряд из 120 человек.

Следующую мину Калининченко изготовил уже с часовым механизмом.

Мы решили взорвать железнодорожный мост через реку Тясмин.

Мост усиленно охранялся, и кроме часовых на мосту, немцы с полициями патрулировали окрестности и выставляли "секреты".

Но эта операция нам не удалась... Три человека погибли...

Г.К. - Подпольщики готовились к переходу к партизанским методам борьбы?

Л.Б. - Мы приготовили свою "лесную базу", которая поначалу состояла из одной землянки - тайника в Сунчанском лесу, в трех километрах от опушки леса.

Строили землянку впятером : я, Ленский, Завгородний, Кабаченко, Данильченко. Четверо работают, а один с винтовкой и гранатами в дозоре, охраняет дальние подступы к землянке. Для строительства использовали бревна, когда-то заготовленные лесниками. В землянки мы спрятали часть оружия, добытого подпольщиками : пять винтовок, три обреза, семь гранат, четыреста штук патронов, шесть немецких тесаков. Там же в тайнике разместили наш запас продуктов : сухари, пшено, гречку, чеснок и куски желтоватого старого сала.

С особой тщательностью замаскировали землянку дерном и заделали швы, чтобы ветер не сушил корни трав, не то - пропал бы весь наш труд : трава пожелтеет и крыша землянки станет похожа на пятнистый футбольный мяч.

Г.К. - Когда у подпольщиков появилась связь с партизанами?

Л.Б. - Осенью сорок второго года мы решили найти партизан.

Ведь столько информации о передвижениях немецких частей пропадало зря.

Нам нужна была рация и связь с Большой Землей, мы нуждались в оружии и в подрывных средствах. Ходили слухи, что партизан видели в Холодноярском лесу, а также о том, что видели парашютистов в Дубиевских лесах.

Мы послали две группы на поиски партизанского отряда. Первую группу повел бывший летчик Федя Пестрак, но эта группа бесследно исчезла.

И когда прошли все контрольные сроки возможного возвращения, мы поняли, что Пестрак где-то нарвался на полицейскую засаду и наши товарищи погибли.

Послали еще одну группу. Тот же результат. Никто не вернулся.

А потом пошел я вместе с Ваней Кабаченко. Решили проверить Холодноярский лес и район Мотронинского монастыря. Я взял собой "лимонку", пистолет с пятью запасными обоймами. Кабаченко прихватил две гранаты и обрез.

Четыре дня мы искали партизан в этом районе, но безуспешно.

Кабаченко - больной "сердечник", он совсем выбился из сил.

На пятые сутки голод заставил нас зайти в одно село. Долго за ним наблюдали, вроде тихо, не видать ни немцев, ни полицаев. На рассвете осторожно подошли к селу, и только мы приблизились к крайней хате, как в трех метрах от нас внезапно раздался грозный окрик - "Стой! Ни с места!". Из канавы, густо поросшей бурьяном, вылезли два полицаи. Я сразу метнул в полицаев "лимонку", однако взрыва не последовало. Но полицаи моментально нырнули в канаву, а мы со всех ног бросились к спасительному лесу. На какой-то лесной полянке Кабаченко упал без сил, лег на спину и сказал, пытаясь отдышаться - "Сердце... Воздуха не хватает... Ты уходи, я подорву себя гранатой, как только они появятся... Уходи...". Я забрал у Ивана гранаты, и залег рядом. Преследователей не видать. Тихо.

Но тишина в таких случаях всегда обманчива, может быть, что нас уже выследили и окружают. Приготовились, зная, что живыми не сдадимся.

Немного углубились в лес, Иван виновато шептал - "Колет сердце... Будто иглу в него воткнули. Отдай мне гранату и иди один...".

Дождались темноты, Ивану немного полегчало, пошли дальше, увидели на поляне стог сена, в нем заночевали. Утром наткнулись на дом лесника.

Поговорили с лесником, оказалось, что Кабаченко, как-то сталкивался с ним еще до войны. Лесник божился, что про партизан отродясь ничего не слышал, но при расставании намекнул, мол, идите от монастыря направо к старому валу, а там уже, сами, смотрите в оба глаза, может чего интересного и увидите.

У лесного колодца мы заметили свежие следы от копыт и явные признаки, чьей то былой стоянки. Пошли по следу, между деревьями заметили серый дымок.

И тут, впереди раздвинулись кусты - "Стой!" - и мы, к нашему удивлению увидели девушку с автоматом ППШ в руках и в пилотке с красной звездочкой.

Девушка, не опуская автомата, направленного на нас, сказала - "Если есть оружие, положите его на землю отойдите на пять шагов, и не двигайтесь!".

Затем, на тропинку, вышел вооруженный парень в гражданской одежде, окинул нас взглядом, и снова скрылся в кустах. Прошло, я думаю, не более пяти минут, как на тропе появилось несколько человек с автоматами.

Впереди шел статный немолодой мужчина в кожаной куртке и в серой папахе с красной лентой. Он смотрел на нас с подозрением - "Кто такие? Откуда?" - "Мы подпольщики... Со станции Шевченко. Нас послали товарищи, установить связь с партизанским отрядом" -- "Это вы вчера на полицаев нарвались?" - "Мы" - "Голодные? Вижу, что на ногах еле держитесь".

Он приказал нас накормить, но все остались на том же месте, в партизанский лагерь нас так и не допустили. Скоро кто-то принес полный котелок с гречневой кашей. Мы с Иваном дружно набросились на кашу, до крупинки очистили этот котелок. Как только мы покончили с едой, человек в кожанке сказал - "Я командир партизанского отряда Петр Дубовой, а этот человек, комиссар отряда Лысов - он кивнул в сторону невысокого сутулого человека в гражданской одежде - А теперь докладывайте". Мы рассказали, что представляем подполье станции Шевченко, рабочих поселков и города Смелы, станции Помошная, и что наши подпольные группы есть в тридцати пяти селах, и мы можем по условному сигналу вывести в лес человек пятьсот, а то и шестьсот. Что среди нас много бывших командиров взводов и рот, есть комбаты, несколько врачей, связисты. Добавили, что имеем полную информацию о движении немецких поездов на линиях Киев - Мироновка - Шевченко - Днепропетровск, а также : Шевченко - Помошная - Первомайск -Одесса. И что из нашей базы - землянки в Сунчанском лесу, есть удобные для минеров выходы к полотну железной дороги.

Командир спросил - "Оружие у вас есть?" - "Маловато, только винтовки и карабины, на сто человек точно хватит. Автоматов нет, взрывчатки тоже. Изготавливаем самодельные мины, плавим тол из старых снарядов, но это дело опасное. Но у нас есть сотни людей готовых воевать с немцами" - "Вы хотите людей вывести в лес. А предателей за собой не потянете?" - "Наши люди проверены. Это будут железные бойцы".

На что командир ответил - "Звание партизана надо в бою заслужить. Ваши действия - это пропуск в отряд. Я дам вам тол, вы для начала подорвите парочку немецких эшелонов, тогда и поговорим. Посмотрим, какие из вас вояки".

А потом приказал своим автоматчикам - "Сергея Бекташева сюда позовите". Появился паренек, за плечами автомат, на ремне четыре гранаты, финка и запасной диск автомату. Командир ему говорит - "Покажешь этим ребятам, как надо железнодорожное полотно минировать" - "Ясно!" - " Ты не ясни, а слушай! Если они понятливые, возьмешь взрывчатку и пойдешь вместе с ними в Сунчанский лес, там у них землянка имеется. Только по "нашим" тропкам пойдешь. Прихвати с собой Гришку Пономарева. Когда они пойдут на задание, вы их подождете. Если с делом справятся, приведешь их назад, в отряд. А пока, принимайтесь за учебу". Командир ушел. Вскоре появился Пономарев, неся в брезентовых сумках взрывчатку и детонаторы. Не сходя с места, мы получили от Бекташева первый урок подрывного дела, прямо на лесной тропе. Через два часа, командир вернулся. "Ну как, научил?" - спросил он нашего инструктора. - "Хлопцы мою науку поняли" - "Тогда в путь". На дорогу нам дали консервы, солидный кусок сала, сахар и хлеб. Все это казалось нам невиданной роскошью.

За сутки, оставаясь незамеченными вражескими заставами, мы дошли до Сунчанского леса, добрались до землянки, и здесь наши учителя сразу попались в крепкие объятия Ленского и Данильченко. Нашей радости не было границ, сбывались наши надежды. Я осторожно пробрался на станцию, и в будке у Сергея Косяченко, встретился с Хижняковым и Калиниченко. И когда я рассказал им, что нашел партизан, у них на глазах появились слезы радости.

Но наше ликование омрачили слова Хижнякова.

Он сообщил, что через своих людей в полиции узнал, что немцы заканчивают составление "черных списков", куда заносят всех неблагонадежных, и что через два дня намечаются

аресты по этому списку, и многие из наших подпольщиков фигурируют в нем. Те, кто в списке - намечены немцами на расстрел.

Но речь не идет о провале нашей организации или о предательстве, иначе бы всех нас уже давно повязали и замучили в гестапо.

Просто, списки, вместе с жандармерией, составляет руководитель работ на станции Рупа, а ему все равно, лишь бы побольше славянской крови пролить. Добавил, что медлить нельзя, надо срочно всем уходить в лес, уже в ближайшую ночь, завтра может быть поздно. И что пройти "вступительный экзамен в партизаны" и подорвать немецкие эшелоны - мы обязаны любой ценой!

И мы, с Хижняковым и Тарасенко, ушли со станции в Сунчанский лес.

В землянке меня уже ждал, с готовыми к делу минами, Иван Кабаченко.

Я отправился с ним на задание. Прошли километров десять.

Мины ставили на разных участках дороги, одна мина была - заряд замедленного действия, а вторая - с колесным замыкателем.

У нас все очень неплохо получилось.

В эту ночь было подорвано два железнодорожных состава. На рассвете, наша группа, с проводниками Бекташевым и Пономаревым, уже шла в партизанский отряд. Бекташев знал пароль, и нам три раза пришлось с помощью этого пароля проходить через партизанские засады и секреты.

Караульная служба в этом отряде была поставлено безупречно.

И когда нас привели в партизанский лагерь, то Бекташев доложил командиру - "Товарищ, командир отряда, ваше задание выполнено" - "Знаю. Разведка уже доложила : паровоз и четыре вагона под откосом. И вторая мина сработала : разбит паровоз и шесть платформ с танками. Старые знакомые сдержали слово.

Комиссар, принимай их в отряд, составляй список!".

Мы подходили по одному к комиссару Лысову и к начальнику штаба Григорию Николаевичу Броннику, называли свое настоящее имя, воинское звание, и отдельно, записывались наши имена и фамилии в подполье.

И когда настал мой черед записываться, я сказал - "Лейтенант Беренштейн Леонид Ефимович, в подполье - Васильев Владимир Ефстафьевич".

Меня назначили заместителем начальника разведки отряда и командиром диверсионной группы, Тышкевич получил под командование партизанскую роту, капитан Бондаренко вскоре стал заместителем командира отряда, Хижняков - парторгом нашего партизанского отряда имени Сталина.

Г.К. - У отряда Дубового была связь с Большой Землей?

Л.Б. - Да. В том же лесу действовала группа диверсантов-парашютистов под командованием Коршикова, называвшаяся отрядом "За Родину".

У них была рация, и Дубовой через десантников держал связь с Украинским ШПД. В свое время, к Дубовому, в отряд, пытались забросить рацию вместе с группой парашютистов под командованием политрука Семена Дзюрака.

Но группа была обнаружена вскоре после приземления, они не успели пройти и тридцати верст. Немцы загнали парашютистов в болото, окружили, и бойцы трое суток отстреливались, вели бой. При прорыве из окружения погиб политрук и двенадцать десантников, и только четверо парашютистов, во главе с начальником штаба группы Николаем Столяренко, дошли до отряда Дубового.

Радист Вася Шутько принес на себе рацию, но она была безнадежно разбита немецкими пулями.

Отряд Дубового считывал почти 300 человек, и состоял в основном из "окруженцев". Сам Петр Дубовой, был капитаном - артиллеристом, уроженцем здешних краев. Один его старший брат, был известным командармом в Красной Армии, которого репрессировали и расстреляли в 1937 году.

В отряде с ним находилась его жена Мария Семеновна, двенадцатилетняя дочь Тамара и совсем маленький сын Саша.

Г.К. - После ухода Вашей группы к Дубовому, подпольная деятельность на станции Шевченко была свернута?

Л.Б. - Нет. Там осталась хорошо законспирированная группа Поликарпа Калиниченко и дежурного по станции Петра Шевченко.

Мы всегда знали - сколько, откуда и куда, и с каким грузом - проходят через станцию немецкие эшелоны. Контроль над станцией был сохранен.

Сергей Косяченко тоже продолжал действовать. Но наш уход в лес несколько ограничил возможности подпольщиков оставшихся на станции.

Сами подумайте, одновременно в лес к партизанам ушло 75 человек.

И для проведения последующих диверсий на станции, мне уже приходилось идти непосредственно из отряда.

Здесь помогла предусмотрительность Тарасенко -Хижнякова.

Он сделал так, что в случае надобности : я, Кабаченко и Клейменов могли вернуться на станцию. Надежные товарищи выполняли за нас работу, а наши жетоны каждый день появлялись на табельной доске.

Текучесть рабочей силы была большой, и на этом мы решили сыграть.

Дубовой и Коршиков получили с Большой Земли малые магнитные мины нового образца. Они выглядели как овальные эбонитовые коробочки темно - серого цвета, длиной около двадцати сантиметров. Внутри закладывалась толовая шашка с просверленным сверху отверстием. Коробка закрывалась, завинчивалась на четыре шурупа, а потом вставлялся специальный стержень - взрыватель, похожий на карандаш. На стержень были нанесены риски, указывающие время.

Можно было ставить мину на час, два, три - на любое время.

У мины было два надежных магниты, и ее довольно просто было прикрепить, скажем, к цистерне с горючим. Легкий щелчок - и мина поставлена.

А теперь, представьте себе : взрывается на ходу и горит на рельсах пятидесятитонная цистерна с горючим, огонь перебрасывается на соседние цистерны, и дальше - на весь состав.

У этой мины был один серьезный недостаток - она, в заряженном состоянии, могла взорваться произвольно от любого сильного толчка.

Испытывать эти мины в деле первый раз пошли двое - я и Кабаченко.

Взяли с собой несколько "маломагниток". Кабаченко одел форму железнодорожника. Шли с тяжелым сердцем - Что нас ждет на станции Шевченко? Какие там произошли перемены? Действительны ли еще наши прежние рабочие пропуска? Не задержат ли нас на первом же переезде?..

Но мы благополучно миновали контрольные посты и заставы.

Зашли к нашей связной Вере Цьоме. Она рассказала, что после взрывов на станции немцы начали активно действовать. Каждую ночь проводились облавы и обыски, в рабочих "летучках" документы проверяли с особой придирчивостью, проведены аресты "подозрительных", на каждом переезде выставлены посты и часовые, а на самой станции стало в три раза больше охранников. Введен строгий комендантский час с семи часов вечера. Задержанных после этого часа без специального "ночного" пропуска расстреливают...

Но наше подполье живет и работает.

Добрались к Косяченко, сказали ему, что у нас - "новая техника", и мы можем среди бела дня установить мину на станции. Три мины мы передали нашему надежному подпольщику Борису Батенко, работавшему в кондукторском резерве. Под именем Батенко скрывался коммунист, еврей Борис Островский.

Ему объяснили, как надо правильно ставить мину - "маломагнитку".

Он должен был заминировать составы идущие на Одессу.

Я пошел минировать сборный состав на третьем пути Знаменского участка, там было три цистерны. Мину зарядил на четыре часа.

Иван решил попробовать поставить свою "маломагнитку" в железнодорожном парке, на одну из цистерн формируемого, специального, "наливного" поезда.

Вставили в отверстие взрыватели, вынули чеку, положили мины в карманы и потихонечку двинулись. Каждый в свою сторону. Я психологически не подготовил себя к тому, чтобы спокойно нести смерть в кармане. Чувствовал себя скованно, шаг нетвердый. Заставил себя собрать всю свою волю, и мне удалось овладеть своими чувствами, побороть волнение, спокойствие вернулось.

Железнодорожный парк тщательно охранялся, проникнуть туда без пропуска было просто невозможно. Кроме того, сборный состав охранялся несколькими немецкими автоматчиками, а вдоль вагонов и цистерн ходили немецкие контролеры, проверяли сцепления. Я заметил, что во время маневрирования состава, на одном из изгибов рельсов, цистерны делают "гармошку", их бока выпячиваются, и мешают часовым вести наблюдение. Замедлил шаг.

И как только, "возвращаясь" на станцию, цистерны поравнялись со мной и приняли форму "гармошки", мгновенно выхватил из кармана "маломагнитку" и прикрепил к черному брюху цистерны.

Стараясь идти спокойно, вернулся к станционным постройкам.

Иван меня уже ждал. Как раз окончилась дневная смена, и мы, вместе с рабочими вышли с территории станции. Благополучно добрались до Сунчанского леса, где нас ожидали Бекташев и Пономарев. Результаты нашей диверсии - взлетело на воздух и сгорело только 18 цистерн с горючим. Мне дали день отдыха.

А через сутки Дубовой приказал выделить мне еще 4 "маломагнитки" и снова произвести диверсию на станции. Вместо Кабаченко со мной пошел старшина Алексей Клейменов. И эта вылазка кончилась для нас провалом...

Г.К. - Что произошло?

Л.Б. - Пришли на станцию. Смог поставить мину на цистерну том же Знаменском участке, на путях стоял "наливной" состав из 18 цистерн.

Установил заряд на три часа. Без проблем вернулся в гараж к Калиниченко.

Ждем выхода рабочих со станции. И тут приходит в гараж за минами Борис Батенко. Узнав, что я поставил мину под 25- тонную цистерну в "наливном" составе, он побледнел лицом и сказал - только что, на его глазах, этот состав расформировали, а двадцатипяти тонку отцепили и загнали в тупик.

Чистая случайность, что отцепили именно эту цистерну. Но взрыв на самой станции, означал одно, немцы поймут, что прямо здесь действует группа минеров, и конец "старой" легенде, что это "буксы в дороге горят".

Жандармерия все верх дном перевернет. До взрыва оставалось два часа.

Батенко пошел к нашему человеку, дежурному по станции, и вернулся с известием, что эту цистерну только вечером направят на станцию Мироновка, и сейчас она стоит рядом с эшелонном с продовольствием, а не отдельно, на отшибе. Значит, немцы ничего не пронюхали. И когда до взрыва оставалось минут десять, над станцией на большой высоте стал кружить советский самолет. Немецкие зенитчики открыли огонь. И тут грянул мощный взрыв, мы поняли, что это сработала наша мина. В связи с воздушным налетом положение изменилось, и взрыв цистерн можно было объяснить иначе, появился самолет и сбросил бомбу на станцию, в ответ на зенитный огонь, поджег цистерну.

Все разрешилось для нас более чем удачно. И мы решили поставить еще одну "маломагнитку" на "наливник". Мину взял Батенко, поставил ее на замедление на три часа, выдернул чеку. И уже уходя, он вдруг сказал мне - "Мою жену и двух дочерей немцы замучили. Когда мину ставлю, на душе так легко становится".

Он сунул мину в карман, взял в руки кондукторский фонарь и вышел из гаража. Мы вышли сразу после него, у нас еще было дело к Петру Шевченко.

Батенко шел впереди нас на некотором расстоянии, ровным и спокойным шагом, я даже позавидовал его исключительной выдержке. Он уже приближался к перрону, как случилось несчастье. Шагая по шпалам, он неожиданно споткнулся, наступил на полу своего не в меру длинного плаща и упал на рельсы.

В тоже мгновение ослепительная вспышка подбросила Бориса в воздух.

Этот взрыв произошел на глазах у станционных жандармов и солдат, которые высыпали из вагонов только что прибывшего поезда.

Мы с Клейменовым пытались уйти в сторону, но было поздно, в одно мгновение все выходы и входы оказались перекрытыми. Весь железнодорожный парк, и сама станция, были разбиты на "квадраты", и люди подвергались самой придирчивой проверке. В нашем "квадрате", перед нами, стояла большая толпа гражданских людей, но хорошо слышались резкие команды на немецком - "Документы! Отходи в стороны, ты арестован! Этого задержать!".

Мы приближались к немецкому заслону и увидели, что здесь всем руководит свирепый пожилой обер- лейтенант с глазами опытной ищейки.

Почему-то показалось, что этот обязательно нас задержит.

"Бежим !" - крикнул мне Клейменов и схватил меня за руку. Нервы на пределе, мы опрометью кинулись под эшелон, промчались под вторым, третьим, проползли еще под каким - то вагоном, и, к нашему счастью, успели заскочить на проходящий маневровый паровоз. Алексей, торжествуя, сказал - "Повезло нам! А то бы точно попались!"...Накаркал...Паровоз уже вышел из железнодорожного парка и приближался к переезду, впереди была свобода.

И тут мы обмерли. На переезде стоял знакомый нам своей свирепостью обер - лейтенант, с тремя автоматчиками и овчаркой. Он указал на нас дулом пистолета -"Взять!". Нас стянули с подножки паровоза, ловко обыскали.

"Почему бежали?"- спросил немец. - "Испугались" - ответил Алексей.

Я переглянулся с Клейменовым и понял все безвыходность нашего положения, на душе было горько и до боли обидно. Немец действительно был опытный, только глянул, по какому пути шел паровоз, и сразу понял, где нас нужно хватать. Надо нам было спрыгнуть с паровоза раньше и уходить через территорию ремонтного завода, а теперь, за свою неосмотрительность, придется расплачиваться...

Нас под конвоем доставили в жандармерию. Пришла молодая переводчица и обер - лейтенант начал допрос. Переводчица сказала нам - "Господин офицер знает, что вы партизаны, которые минировали поезда на станции. Только откровенное признание может спасти ваши жизни".

Клейменов ответил - "Мы не партизаны, мы трудимся на благо рейха". Переводчица просмотрела все наши документы, вываленные на стол, тщательно изучила удостоверения и пропуска на станцию.

Среди документов была "власовская" листовка. "А это еще вам зачем?"- "Мы собирались поступить во власовскую армию".

Переводчица доложила "оберу", что все документы настоящие.

Он взял наши документы в руки и снял телефонную трубку.

Мы поняли, что сейчас решается наша судьба. Телефонный разговор был недолгим и, как видно, закончился в нашу пользу. И тут я поблагодарил в душе своих товарищей по

подполью, которые с риском для себя продолжали скрывать наш уход в лес. Немец несколько минут посидел в раздумье, не зная, какое решение ему принять. Наконец он заговорил и переводчица обратилась к нам - "Несмотря на то, что ваши документы в порядке, и вы действительно работаете в немецкой фирме, господин обер - лейтенант считает, что ваш побег, свидетельствует о том, что именно вы являетесь виновниками взрывов.

Обер - лейтенант обещает сохранить вам жизнь и направить вас служить к "власовцам", если вы немедленно укажете ему место, где храните мины и назовете способ минирования и людей, с которыми вы поддерживаете связь. Кто они? Где работают? Их адреса?" - "Мы не знаем никаких мин и никаких адресов" - ответил я. Она перевела мой ответ. И тут немец поднялся со стула стал медленно рвать на мелкие кусочки наши документы. "Все кончено!" - пронеслось в голове, и в тоже мгновение сильный удар в челюсть свалил меня с ног.

Я выплюнул четыре выбитых зуба и залился кровью.

Следующим рассчитанным ударом немец отбросил в угол Клейменова.

Затем процедил сквозь зубы несколько слов и вышел, хлопнув дверью. Переводчица пояснила - "Все остальное вам покажет пан Гриша. У него вы быстро развяжете языки". Сразу появились вооруженные винтовками полицаи, и, старший из них, скомандовал нам - "Выходи!". Нас вывели на пустынный перрон, рабочие поезда уже давно ушли. Мы пересекли его и зашагали по шпалам.

Конвоиры шли по пятам. Я попытался уговорить их - "Ребята, не стреляйте, если мы побежим". Сразу получаю удар плашмя штыком по шее и предупреждение - "Только попробуйте, сразу разменяем!". Но бежать надо!...

Проходим мимо угольного сарая, я его хорошо знал, окно там никогда не закрывалось. Но как попасть в сарай? Зная жадность полицаев, решил пойти на хитрость - "Ребята, возьмите наши пиджаки, они все равно нам больше не нужны". И вдруг ответ - "Ладно, только зайдем в сарай. Там скинете свое барахло".

Алеша Клейменов понял меня, и мы быстро зашли в сарай. Но все напрасно - сарай был завален углем до самого верха - мы в ловушке...

Сняли пиджаки, отдали полицаям. Нас привели к стоящему за железнодорожным парком каменному дому с узкими оконцами.

Его окружал высокий деревянный забор с колючей проволокой.

У входа стояли два немца с овчаркой. Нас завели в помещение, похожее на мрачный каменный склеп. Это было "царство" гестаповского палача пана Гриши. Каменный каземат, посередине два станка для пыток.

Три стены занимали кабины, а на четвертой висели кузнечные щипцы, и как змеи, свисали с гвоздей длинные и короткие плетки, с медными и свинцовыми наконечниками. Конвоиры затолкнули меня и Клейменова по кабинкам, лязгнули железные засовы, и шаги удалились.

Кабина тесная, ни сесть, ни повернуться. Ноги затекают.

На душе - горечь... Умирать не хотелось...

Слышу голоса, чьи-то шаги, лязг засовов. Дверь открылась, и я чуть не выпал из кабинки, но сразу получил удар сапога по коленям - "Стоять! Смирно!" - приказывает мне полицай.

Замечаю, что дверь в кабине Клейменова тоже орыта, а из соседних кабин полицейский выводит старика и подростка.

И тут появляется палач, скрывающийся под кличкой - пан Гриша.

Бывший борец - профессионал, сохранивший бычью силу.

Короткая широкая шея, бесцветные водянистые глаза.

Он подошел к старику - "Где мины? Отвечай!" - Молчание - "Кто твои помощники? Говори!" - Молчание. Неожиданно палач дал старику подножку, и словно перышко, бросил его на специальный станок, предназначенный для пыток. Четверо полицейских в грязных фартуках, моментально зажали руки и ноги старика в деревянные тиски. Также поступили и с подростком. С несчастных сорвали одежду. Плетка взвилась и со свистом опустилась Удар. Стон.

Я закрыл глаза, но какой-то полицейский заметив это, саданул меня кулаком в живот - "Смотри! Сука!". Палач снял с гвоздя плетку с увесистым медным наконечником. Его подручные положили потерявших сознание мучеников на спину и, закулив сигарету, пан Гриша двумя тяжелыми ударами добил свои жертвы...

Дальше была наша очередь... Вдруг за дверью послышались веселые возгласы, смех, и шумная пьяная компания ввалилась в камеру пыток. Немцы. В руках у них бутылки со шнапсом, на шее у одного из них висел круг колбасы.

Пьяная ватага окружила пана Гришу и потянула за собой.

Он повесил плетку на гвоздь и, сбросив свой грязно - белый халат, ушел с немцами. Полицейские снова нас закрыли в кабинках на засов.

У меня сердце просто выпрыгивало из груди от напряжения.

Вскоре снова лязгнули засовы - "Выходи!". Полицейские отобрали из кабин восемь человек, и нас вывели из каменного мешка в звездную ночь. Шесть конвоиров с двумя овчарками. Куда ведут? На расстрел? В концлагерь? В тюрьму?

Под ногами шпалы и рельсы, заметил справа цех паровозоремонтного завода.

По деревянным мосткам перевели через выкопанные траншеи, минуем изгородь из колючей проволоки, и нас вводят в какой-то продолговатый дом угрюмого вида.

И я снова попадаю в камеру - каменный мешок.

Понимаю, что надо бежать, когда поведут обратно или на прогулку.

Пусть убьют, но зато, хоть погибну без лишних мучений.

Собрал всю свою волю, настроил себя на побег, отринул прочь все сомнения... Решил умереть как подобает солдату, не сломленным узником, а вольным бойцом, на рывке к свободе. Прошло несколько томительных часов, заскрипела дверь, залязгали засовы - "Выходи на прогулку!" - раздался голос полицейского.

Нас, человек двадцать, вывели в тюремный дворик, окруженный изгородью из "колючки". Ряды колючей проволоки были невысокими, где-то по грудь, но человеку, у которого после долгого сидения в тесноте отекли конечности, перепрыгнуть через такую преграду трудно.

Старший конвоир крикнул - "Ходить только по кругу! Большевистские выродки!". Решил бежать на втором круге, и на миг, встретился глазами с Клейменовым.

Мне показалось, что товарищ понял меня.

Когда-то, в военном училище, будучи курсантом, я хорошо научился преодолевать проволочные заграждения. У меня в кармане был кусок мешковины, я сжал эту тряпку в руке. Четыре охранника, вооруженные винтовками, стояли в центре круга. Видя, как беспомощно ковыляют обессиленные узники, они улыбались, достали кисеты и стали скручивать сигарки. И в этот момент я рванул к изгороди.

Тряпка спасла меня от острых "колючек".

Проволока спружинила, и я перелетел через изгородь. "Стой! Стрелять будем!" - послышались крики вслед и загремели выстрелы. Но пули летели над головой, я уже успел спрыгнуть в траншею, в которой прокладывали большие цементные трубы, вскочил в такую трубу, и пригнувшись, побежал дальше, влетел в другую траншею, потом в большую канализационную трубу, снова в глубокую траншею... Выскочил на территории паровозоремонтного завода.

Задыхаясь от быстрого бега, я влетел в цех, в котором работало несколько токарных станков. Молодой парень, взглянув на меня, остановил свой станок и спросил - "За тобой гонятся?!". Я кивнул. Он быстро достал из шкафчика старую спецовку и кепку - "Надевай скорей!" - и тут же провел по моему лицу масляной тряпкой - Сойдет! Иди быстрее на гречковскую проходную, туда как раз люди со смены пошли. Там пропуска не проверяют!".

Догнав идущих с ночной смены рабочих, я присоединился к ним.

Мой спаситель оказался прав. Охранники требовали пропуска только у тех, кто шел на завод, а покидавшие - проходили на выход без проверки.

Силы меня оставляли, я валился с ног. С трудом дошел до ближайшей посадки и затаился в ней. Уже в густых сумерках, перебрался из посадки на старое кладбище, и через поля стал пробираться в Сунчанский лес.

Я шел, падал, вставал, снова падал, и снова поднимался, шел вперед, повторяя "чапаевские слова" - "Врешь, не возьмешь!".

А потом, все как в тумане... Вдруг очнулся в землянке, передо мной лица друзей. Слышу голос Бекташева - "Пей!".

Он дал мне выпить немного спирта, а потом пол-котелка воды.

И тут я вижу, как, шатаясь от невероятной усталости, к землянке подходит Алексей Клейменов. Он прохрипел - "Первым делом, закурить дайте!".

Алексей снял свою кепку, и тут мы увидели, что он совершенно седой!..

Клейменов рассказал - Как только ты перепрыгнул через колючую проволоку, мы все бросились бежать в разные стороны. Полицаи сначала растерялись, а потом закричали и

стали стрелять. Пока к ним подмога прибежала, нас семеро человек ушло, еще троих они успели застрелить, а что с остальными случилось - я не знаю...". Мы подробно рассказали в отряде о камере пыток.

Но что можно было сделать? На станции находился многочисленный немецкий гарнизон, и даже танковая часть, так что рассчитаться с гестаповским застенком за все пережитое, было бы невероятно трудно.

Нам с Клейменовым дали три дня отдыха.

Пришли в хозчасть отряда, а у партизанского каптенармуса есть лишь трофейная одежда. Для меня нашлась по размеру только форма немецкого лейтенанта. Пришлось надеть... Вот такое приключение довелось пережить...

Г.К. - Когда Вы стали начальником разведки в отряде Дубового?

Л.Б. - После гибели предыдущего командира разведки, капитана Николая Дорофеева. Мы принимали десантную группу с Большой Земли, собрали грузовые мешки с оружием и боеприпасами на Кривенковой горе, как вдруг вдали послышались выстрелы. Странно, вроде десантники с грузами спустились на землю скрытно. Капитан Дорофеев решил проверить, в чем дело.

Пошли вшестером : Дорофеев, я, Коля Виноградов, Петр Липоткин, Витя Кучерина, и наш "сын полка", ленинградский мальчишка Ким Царьков, прибывший в свое время в немецкий тыл с десантниками Коршикова.

Помню как Виноградов ворчал - "Какой-то наш балбес сдуру выстрелил, а нам лети, проверь. Эх, сейчас кому-то по шее наkostenяю".

Спустились с Кривенковой горы, пересекли лощину, и взошли на соседнюю высотку, подошли к нашим замаскированным дозорным.

"Кто стрелял?" - спросил Дорофеев. - "Выстрелы были за холмом, а кто стрелял - неизвестно. Ведем наблюдение" - ответил старший дозора. - "Будьте начеку, а мы разведаем" - бросил дозорным капитан. Мы сбежали с высотки, прошли туманную долинку, поднялись на лесистый холм, и снова волны утреннего тумана поглотили нас в топкой низине. Мы вышли из белесой дымки... и остановились как вкопанные. Прямо перед нами, на склоне холма, стояла стена серо-зеленых мундиров. Нас сразу заметили - "Стой!" - прозвучала команда.

"Свои!" - крикнул Дорофеев, одетый в "трофейный" китель, снятый с убитого немецкого офицера, и тихо сказал нам - "Это немцы с полицаями. Развернитесь в цепь". Со склона холма загремели голоса - "Пароль давай!". Если бы мы сразу побежали назад, то нас бы моментально скосили бы из десятков автоматов. Единственный правильный выход, был подойти к вражеской "стене" поближе, и ошеломить немцев внезапным нападением, и "под шумок", попытаться оторваться от преследования. Мы подошли поближе и Дорофеев скомандовал - "Огонь!". Полоснули в упор свинцом из шести автоматов по вражеским шеренгам и воспользовавшись замешательством карателей, мы нырнули назад в дымку тумана. Но вслед нам сразу застрочили автоматы и ударили винтовочные залпы. Началось преследование. Мы отстреливались, забрасывали преследователей гранатами. Дорофеев крикнул - "Отходите! Я прикрою! Занимайте оборону на гребне холма!". А с гребня холма, по нам, не разобравшись в обстановке, начали палить из винтовок ребята из нашего боевого охранения.

Наша шестерка, оказавшись между двух огней была вынуждена залечь и пробираться ползком на гребень высоты. Я оглянулся, Дорофеева не было, но через несколько мгновений из туманных кустов, шатаясь вышел Николай.

Он был ранен и уже не мог отстреливаться. Послышались крики карателей - "Живьем брать! Живьем!". Мы тоже кричали Дорофееву - "Коля, сюда! Капитан, тебя окружают!", но у нас уже кончились патроны и гранаты, мы не могли помочь огнем нашему командиру. Мы увидели, как к Дорофееву подбежали немцы...

И в это время раздался взрыв. Он подорвал себя и окруживших его гитлеровцев противотанковой гранатой... У немцев наступило короткое замешательство, позволившее нам стремительно выйти из под огня и добежать до боевого охранения. У них мы разжились патронами, отошли на высоту.

И тут на нас пошли густыми цепями немцы и полицаи. Мы отбивались, но шансов у нас не было, пришлось отступить к подножью Кривенковой горы, присоединиться к основным силам отряда.

Когда я доложил Дубовому о геройской смерти капитана Николая Дорофеева, он сказал - "Принимай роту разведки под командование!", и мы продолжили бой с немцами.

Г.К. - Ваша партизанская деятельность получила широкую известность, после того, как Вы перешли в отряд имени Пожарского. Этот отряд был сформирован на базе десантной диверсионно - организаторской группы Горячего.

Что это была за группа? И как Вы в нее пришли?

Л.Б. - Группа Дмитрия Филимоновича Горячего находилась в подчинении полковника Метелева, старого опытного пограничника, представителя Украинского Штаба Партизанского Движения (УШПД) при Военном Совете Южного фронта. Сам Дмитрий Горячий был кадровым командиром Красной Армии, командиром стрелковой роты воевал под Ельней и Москвой, был тяжело ранен, и даже комиссован из армии по ранению с "белым билетом".

Но он добился того, что его направили в тыл врага, и Горячий воевал начальником штаба партизанского отряда в Донбассе. После соединения с частями нашей наступающей армии, Горячему получили сформировать свою диверсионную группу для последующей заброски в тыл врага.

Он взял к себе проверенных товарищей по шахтерского отряду, и его группа была рекомендована и утверждена Краснодарским горкомом партии.

Они прибыли в Ростов, и в течение месяца группа готовилась к десантированию в Крым, старательно изучала Крымский полуостров и оперативную обстановку в районе будущих действий. Совершили тренировочные прыжки с парашютом, как вдруг Горячева вызвал полковник Метелев и сообщил, что задание меняется, и "шахтерская семерка" будет выброшена в Холодноярские леса, в районе города Смела и станции Шевченко. На подготовку и на изучение карт района им дали всего три дня. В группу входили : командир - Горячий Дмитрий Филимонович, комиссар - Жилин Иван Архипович, кстати, с одной рукой человек воевал, начальник штаба - Шолтыс Евстафий, заместитель по разведке - Литвин Тимофей, радист - Гузанов Анатолий, минер - инструктор - Пахомов Дмитрий, и уполномоченная ЦК ВЛКСМ - Полянская Елена. Эта группа высаживалась с самолета ЛИ-2 в лесах западнее Завадовки с заданием, связаться с отрядами Коршикова и Дубового, и, имея место первичной дислокации на базе этих отрядов, развернуть диверсионные действия в

районе участка железной дороги Хировка -Смела -Новоукраинка. На случай утери группой радиосвязи с УШПД, командиру группы дали пароль для пешего связного через линию фронта. Я помню его и сейчас - "Днепр покрыт сединой". Отзыв - "Месть несем на врага".

В грузовых мешках, сброшенных вслед за группой, было 68 автоматов ППШ, четыре ПТР, гранаты, мины, взрывчатка и пятьдесят тысяч патронов - оружие для организации нового партизанского отряда.

Группа была десантирована в тыл врага довольно успешно. Все приземлились в наше расположение, на сигнальные огни : пять костров острым углом на север. Только Полянская была схвачена карателями, но по счастливому стечению обстоятельств, была сразу же отбита партизанами из роты Тышкевича.

Каратели даже не успели начать допрос.

Проблема была в другом. Отряд Горячего прибыл к нам в очень тяжелый момент. Немцы проводили широкую карательную операцию по уничтожению партизанских отрядов в районе Холодноярского леса.

Из Николаева прибыла целая дивизия, названная нами "истребительной", и более 4.000 человек, при поддержке танков, блокировали лес.

Группе Горячего сразу пришлось вступить в бой в наших рядах.

Так, прямо в бою, я с Дмитрием Филимоновичем и познакомился.

На нас пошли танки Т-111. Один танк подбил в борт Бондаренко из трофейной авиационной пушки. Начали бить и наши отрядные ПТР. Танки отошли.

Но немцы вклинились в нашу оборону и при поддержке сильного минометного и артиллерийского огня, немцы снова пустили танки вперед.

Минометный обстрел в лесу - вещь коварная. Свистит мина, кажется, что проносится над тобой. Но вот она наталкивается на верхушку дерева и с треском рвется, засыпая тебя сверху осколками. Весь лес наполняется дымом.

И когда танки снова пошли параллельно лесу, я с группой из четырех бойцов, со связками гранат пополз навстречу. Мы выскочили перед танками. Мне и молодому парнишке, пулеметчику Саше Гурову, удалось подорвать по танку, а дих, лейтенанта Ткачука и бывшего черноморского моряка Леонова, пулеметные очереди скосили еще до того, как они успели бросить связки гранат.

Мы отползли к лесу. Рядом со мной в цепи лежал человек средних лет, который сказал - "Ну ты товарищ и даешь! Молодец!". Это и был Горячий.

Но тут нас стали бомбить "юнкеры", и дальше разговора не получилось.

Я тогда не знал кто он, а Горячему уже кто-то шепнул, мол, это наш командир разведки Васильев., и он, как оказалось, после нашего выхода из окружения, стал "наводить обо мне справки". А немцы продолжали сжимать тиски окружения.

Меня Дубовой вызвал и говорит - "Володя, найди "окно", выведи отряд! Спаси людей! По гроб жизни буду обязан!"

Брешь в немецком кольце я с разведчиками нашел, а дальше все пошло по задуманному плану. Из окружения мы вышли красиво и грамотно, искусным маневром. Ночью снялись тихо с позиций возле Кривенковой горы, бесшумно проскользнули мимо стоящих в линию танков, и укрылись в тылу противника, в трех километрах от нашего прежнего рубежа обороны. В это время каратели захватив наши позиции продолжали вести упорный ночной бой со своими же ! Только утром стихли последние звуки боя. Мы затаились в подлеске и замаскировались, хорошо понимая, что если немцы заметят что-то подозрительное, то нас просто раздавят танками. Немцы в бессильной злобе от того, что упустили партизан, расправлялись с нашим лагерем, взрывали партизанские землянки и блиндажи, рушили траншеи и окопы. А потом каратели ушли, вместе с танкистами, увозя с собой на грузовиках многочисленных убитых и раненых. Вскоре мы вернулись на место прежнего лагеря и стали восстанавливать разрушенную оборону.

Прошло несколько дней, ко мне подошел Дмитрий Филимонович Горячий и предложил перейти к нему в отряд, начальником штаба.

Я ответил ему - " Да, я не против, но с Дубовым,сам договаривайся".

Дубовой услышав от десантника просьбу забрать из отряда командира разведки, конечно не согласился, и сказал Горячему - "Эх, ты, мы тебя так приняли, а ты у меня людей уводишь!? Нет, и еще раз нет, это мое последнее слово!".

Но я, все же, решил уйти с Горячим...

Г.К. - В воспоминаниях одного из партизан отряда Дубового написано, что у Вас с Дубовым были сложные отношения. Это верно?

Л.Б. - Я не думаю, что наши отношения можно было назвать сложными.

Были мелкие разногласия, но какого -то особого конфликта не было.

Например, я предлагал перебазировать отряд в Сунчанские леса, и активизировать подрывную деятельность на железной дороге.

Но Дубовой колебался. Да еще постоянно приходилось выпрашивать у него разрешение на диверсию и кланчить мины для каждого диверсионного акта, и мне такое дело не очень нравилось.

Я хотел действовать более самостоятельно и дерзко, а командир считал, что еще не время, огненным смерчем идти по районам области.

Ну и главный фактор, повлиявший на мое решение перейти в другой отряд был следующий - группа Горячего шла именно в Черкасские леса, в район, который я прекрасно знал, в места, где находились десятки наших подпольщиков и добровольных помощников, люди готовые к партизанской войне, и я считал своим долгом помочь им вступить в ряды нового отряда и начать вооруженную борьбу.

Я взял с собой пять надежных товарищей - партизан и ушел к Горячему.

С его группой мы стали базироваться в Сунчанском лесу.

Не прошло и нескольких дней, как туда, за двадцать пять километров, пришел выяснять отношения с Горячим сам Дубовой. - " Ну что, Дмитрий? Ты зачем моих разведчиков

увел?!". Горячий сразу "парировал" - "Да я вообще не знаю, где они? Они же у тебя на задание группой ушли!".

А я в это время сидел в землянке и слышал весь этот разговор.

А потом, Дубовой смирился с фактом, что его разведчик, лейтенант Беренштейн - Васильев партизанит с "шахтерами".

Г.К. - Пятнадцать человек, - это группа Горячего, и Вы со своими разведчиками, составившие вместе партизанский отряд имени Пожарского пришли в Сунчанский лес. Как менялась численность отряда в последующие дни?

Л.Б. - В конце августа нас было уже 400 человек, в сентябре сорок третьего в отряде уже было 900 человек.

А на момент соединения с Красной Армией в отряде им. Пожарского насчитывалось уже почти 1500 человек, из них 90 % - "активные штыки".

А в августе 1943 года мы не успевали принимать новых людей в отряд и сколачивать взводы и роты, да выдавать оружие.

Сразу создали три боевых роты, группы разведки, роту охраны.

Радист группы Горячего, по приказу командира, послал срочную радиограмму в Штаб партизанского движения при Военном Совете Южного фронта, и нам незамедлительно с самолетов сбросили новые грузовые мешки с оружием и боеприпасами. Но уже через несколько дней, у нас опять ощущалась нехватка оружия для прибывающих нескончаемым потоком желающих встать в партизанские ряды. И снова с самолета сбросили десять грузовых мешков с оружием и трех парашютистов - разведчиков.

В Сунчанский лес стекались подпольщики, наши проверенные товарищи, приходили сразу по двадцать, а то и по тридцать человек.

Шли люди из Терновки, Староселья, Буды - Орловецкой, Гречковки, Константиновки, Балаклеи, Смелы, и из многих других мест.

Приходили и "окруженцы" сорок первого года, и "примаки", и местные жители, и красноармейцы бежавшие из плена.

А позже, в отряд потянулись и полицаи, желающие искупить вину перед Родиной, и бывшие солдаты РККА, служившие во "власовских" частях или в Туркестанском легионе. Мы принимали в отряд почти всех, каждому давали шанс внести свою лепту в борьбе с захватчиками. У нас только одних "власовцев" под конец было человек двести.

Г.К. - Я могу представить, сколько хлопот выпало на долю начальника штаба нового отряда. Как Вы еще успевали участвовать во всех боевых операциях?

Без Вас фактически ни одна диверсия или операция отряда не была проведена.

Л.Б. - Успевал, пришлось плясать сразу на двух свадьбах. Война всему научит.

Но наладить в отряде разведку, охрану, боевую учебу, организовать различные службы, заготовку продуктов, работу кухни, хлебопекарни, водоснабжение, взять на учет и проверить всех новичков прибывающих в отряд, и многое другое - все это было моим делом, как

начальника штаба. Я уже и не говорю о своей главной прямой обязанности - планировании боевых операций.

А диверсионную работу я не мог оставить, поскольку имел уже очень хороший опыт и огромное желание мстить фашистам днем и ночью.

Г.К. - Немцы сразу отреагировали на появление в Сунчанском лесу такой большой массы партизан?

Л.Б.- Конечно. У них на каждом шагу были осведомители.

Тем более немцы не могли спокойно сидеть, "покуривая на завалинке", когда у них ежедневно стали лететь под откос эшелоны. Представьте, за какие-то 48 часов, группа подрывников Сергея Бекташева пускает под откос эшелон с зерном, Иван Кабаченко подрывает состав с живой силой, а тройка минеров : Литвин, Пахомов, Пономарев, на перегоне Шевченко - Райгород подрывает сразу три эшелона с техникой и вооружением.

Нам надежные люди сразу сообщили, что немцы и полиция готовятся к широкой карательной операции в Сунчанском лесу. Первую попытку "прижать нас к ногтю" каратели хотели сделать в селе Зелевки, где партизаны брали для отряда муку на мельнице. Староста села "сдал" партизан немцам.

Нам сообщили, что примерно 100 карателей получили приказ организовать засаду в окрестностях села. Но мы их опередили, и заманили в свой капкан.

Перебили почти всех. Ускользнуло из ловушки всего несколько человек, и что обидно, тогда умудрился остаться невредимым и сбежать от нашей пули начальник Смелянской полиции. Но мы его потом все равно достали и ликвидировали.

А старосту - предателя сразу расстреляли за измену.

Мы прекрасно понимали, что в Сунчанском лесу будет трудно выстоять против крупной карательной операции противника. И командование отряда приняло решение, уйти в Смелянские леса, соединяющиеся с Черкасскими лесами. Там нас будет трудно загнать в тиски, и, имея "в козырях" такое прикрытие, как огромное Ирдынское болото, мы сможем, маневрируя, выдержать любую блокаду.

Был совершен переход на двадцать пять километров, перед самым носом у концентрирующихся карательных немецких подразделений.

Мы, с помощью проводников из местных жителей, перешли по болоту, и расположились лагерем в районе Грековой горы.

Г.К. - Готовясь к встрече с Вами я ознакомился с некоторым количеством мемуарной литературы, с отдельными доступными документами Украинского ШПД, с несколькими донесениями о деятельности отряда, с воспоминаниями двух партизан из отрядов Дубового и Горячего, и копиями записей из журнала боевых действий отряда. И меня поразила высокая беспримерная боевая активность отряда Пожарского. За четыре месяца было проведено 50 крупных боевых операций, часть которых, можно смело определить - как выдающиеся по своим достижениям и урону нанесенному врагу. Каждая такая операция является свидетельством мужества, героизма и боевого мастерства партизан.

Давайте, я буду задавать вопросы конкретно по каждой интересующей меня операции, а Вы расскажите, то, что сочтете нужным, о деталях того или иного боя.

Л.Б. - На ваше усмотрение.

Г.К. - Как происходило уничтожение немецких танков и истребление немецкого гарнизона в Балаклее?

Тридцать пять партизан в ночной атаке захватывают село, в котором находятся танки, бронемашины и почти триста пятьдесят немцев и полицаев.

Л.Б. - Балаклея находилась в восьми километрах от Грековой горы, лес вплотную примыкал к этому населенному пункту и обеспечивал скрытые подходы.

В Балаклее часто располагались на ночлег, следующие на фронт маршевые роты и отдельные германские части. Полицейский гарнизон в поселке насчитывал примерно 200 человек, с большим количеством ручных пулеметов, но по ночам они в поселке почти не появлялись, только выставляли посты на окраинах и на мосту ведущему к шоссе. Первоначально предполагалось тихо захватить только небольшую часть Балаклеи, с целью пополнения запаса продовольствия для отряда.

Информации о наличии немецких танков и другой техники в этом поселке мы заранее не имели. Планировалось взять провиант и вернуться в отряд.

Но, у меня, с Балаклеей были связаны "неприятные воспоминания".

Я хорошо помнил, как в 1941 году прятался в доме Хоменко, и как меня искал, предатель Родины, начальник полиции Шатайло, кстати, бывший лейтенант РККА.

И захотелось мне с этим полицаем расквитаться лично, да немного побеседовать с ним перед тем, как будем решать вопрос о его дальнейшей судьбе.

За день до планируемой операции послали разведку в поселок, и разведчики доложили - немцев в селе нет, полицаи находятся в основном на шоссе за речкой Серебрянкой, а сам начальник полиции Шатайло домой приезжает только на ужин, а ночует в полицейском участке, превращенном в крупный опорный пункт.

К концу следующего дня мы пошли в село.

Группа тридцать человек.

Часовых у моста убрали без шума. Оставил на всякий случай группу Ивана Гаджиенко и два пулемета в засаде у моста через Серебрянку.

Захожу сам в первую хату. Сидят пять мужиков, и пьют самогонку. Спрашиваю - "Кто хозяин?". Молчат. Говорю им - "Что, всех стрелять?".

Поднимается хмурый мужичонка, и молвит - "Я хозяин" -

"Пойдешь со мной. А вы сидите тихо. Двери я заминирую, кто попытается выйти, сразу взлетите на воздух. А окна мы на прицеле держим".

Вышли с хозяином из хаты, спрашиваю его - "Где дом Шатайло?" - " Не знаю" - Ткнул его прикладом под ребра, тот сразу - " Через две хаты отсюда, по правой стороне". Подошел, дверь не заперта.

Своих ждать не стал, ворвался в хату и сразу увидел Шатайло, ужинающего за столом. Прижал его дулом к стене. Жена пекла хлеб в печи, возле которой спал сын начальника полиции. Сказал ей - "Буди мальчонку, пусть с отцом попрощается". Жена Шатайло отвечает - "Не надо - и, показывая рукой на мужа, говорит - А этого зверя и душегуба вы убейте!". Вывел его, ребята мои подошли, Ваня Царенко, Миша Имас и еще шесть бойцов, я передал им полицейского начальника под охрану. Сел на повозку, доехал до угла, там еще двое полицейских. Их тоже повязали. Спрашиваю одного из них - "Как дело, геноссе? Немцы где?". Полицейский, сильно заикаясь, стал говорить, что вечером в село прибыли танки, бронемашины и человек 250 немцев на грузовиках.

Говорю ему - "Веди, показывай, только тихо себя веди, а то я тебя моментально от заикания вылечу". Подходим к месту, видим, на дороге стоят два немца с карабинами. Как только они прошли вперед и поравнялись с нами, мы выскочили из - за плетня, обезоружили их и затащили в сарай.

Схваченные немцы оказались патрульными. Имас быстро их допросил. Выяснилось, что в селе расположились на ночлег пополнение для танковых экипажей в количестве двухсот человек, да еще десять танков и десять бронемашин из дивизии СС "Викинг" с экипажами.

Это был для нас сюрприз... Они сообщили нам пароль и отзыв, указали место расположение штаба маршевой части.

И вот здесь и возникла дерзкая идея, внезапной ночной атакой застать немцев врасплох, посеять панику и захватить немецкие танки и уничтожить их.

Я понимал, что нас, во много крат меньше, чем немцев, но искушение было также велико, как и возможный риск. Благо, лес, совсем рядом, в двух шагах, это давало нам шанс отойти с боем назад в случае неудачного нападения.

Да и есть возможность подобраться незаметно, половина из нас в немецкой форме, а Имас, я и Царенко - говорим по - немецки.

Послал связного к Гаджиенко, предупредить о нашей атаке.

На мой вопрос - "Жить хотите?", патрульные немцы дружно закивали головой. Патрульные согласились провести нашу группу к штабу.

Имас предупредил их : - Как только часовой у штаба окликнет вас и спросит пароль, вы немедленно назовете его!.

Мы приготовили гранаты, и пошли к штабу. Видели, как немцы беспечно, ничего не опасаясь, располагаются на ночлег. Прямо у штаба стояла легковая машина с зажженными фарами и два танка с открытыми люками.

Часовой с крыльца окликнул нас, спросил пароль. Имас толкнул в спину захваченных нами патрульных, мол - отвечайте! Но те - словно онемели.

И вдруг повалились на землю. На крыльце лязгнули затворы автоматов, и Михаилу Имасу пришлось дать длинную автоматную очередь. И тут по мелькавшим в свете фар немцам почти в упор ударили наши ручные пулеметы, а в грузовики, бронемашины и в открытые люки танков полетели гранаты.

У немцев поднялась невообразимая паника. Они вылетали из дверей и окон, под треск автоматных очередей перепрыгивали через плетни и с каким-то нечеловеческим ревом

мчались к мосту, стараясь побыстрее выскочить на шоссе. Но как только они появлялись на мосту, как из засады кинжальным огнем их разили пулеметы Гаджиенко. Вся северная часть Балаклеи оказалась в наших руках. Мы подожгли крытые брезентом грузовики и все бронемашинны, погрузили на подводы ящики с гранатами, и прихватив пять пулеметов с запасом патронов, ушли в лес. Там я не забыл побеседовать со своим "старым знакомым" Шатайло, который не выразил большой радости при моем повторном появлении.

Он выдал все что знал и всех своих осведомителей. Пощадить мы его не имели никакого морального права, на совести этого палача были сотни убитых и замученных им лично невинных советских людей.

Перед тем как его повесить, я сказал Шатайло - "А помнишь, морда твоя предательская, как осенью сорок первого, ты в хате у Хоменко "окруженца" искал? По глазам вижу, вспомнил. Сам виноват, искал бы получше, не висеть бы тебе сейчас с петлей на шее на суку!".

А конечные итоги нашего рейда в Балаклею, согласно немецкой сводке, были следующими - 130 убитых танкистов, десять сожженных грузовиков, четыре полностью сгоревших бронемашинны и четыре подорванных гранатами танка, не подлежащих восстановлению.

Остальные покалеченные нами танки и бронемашинны немцы увезли на ремонт или восстановили на месте своими силами.

Точное количество раненых немцев мы так и не узнали. Убитые полицейши шли отдельным списком, их тоже мы порядочно там уничтожили.

Г.К. - Как проводилась специальная операция с целью захвата секретной карты немецкой обороны на правом берегу Днепра? Операция уникальная.

Если возможно, расскажите о ней максимально подробно.

Л.Б. - Можно и подробно. С Большой земли в сентябре 1943 года пришла радиограмма, в которой для нашего отряда была поставлена задача - немедленно, любой ценой, в самый сжатый срок, разведать и донести о характере немецких оборонительных сооружений на правом берегу Днепра в районе Черкасс.

Сели в штабе вместе с Горячим, с начальником разведки Литвиным, с комиссаром Жилиным, и стали думать - как это задание выполнить.

От нас до указанного района - расстояние 180 километров. Задание нереальное, в такой короткий срок нельзя обследовать столь большое пространство...

Послать обычные разведгруппы? Было ясно, что немцы их к укреплениям не подпустят, и, скорее всего, обнаружат и уничтожат еще на подходе к Днепру.

Да и вообще, пока пешая разведка пройдет это расстояние по немецкому тылу, с нас уже головы снимут за невыполненное задание....

Да и конная разведка в данной обстановке была бы бессильна.

И тут, Горячий, обладавший прекрасным оперативным мышлением и умением твердо доводить любое порученное дело до конца, внезапно предложил свой вариант - подойти к важному заданию "с другой стороны".

Не пытаться побывать на правом берегу Днепра, на переднем крае немцев, а попробовать добыть нужную нам информацию в глубоком немецком тылу.

Мы знали, что в районе станции Помошная находился штаб немецкого усиленного инженерно - строительного батальона, который и занимался возведением оборонительных сооружений и укреплений в интересующем нас районе.

Документация о проведенных работах и точные карты обязательно должны были храниться в штабе. Зная немецкую аккуратность и педантичность в этом сомневаться не приходилось. В состав этого батальона входила большая группа поляков, один из которых, Зигмунд Жулковский, был на связи с подпольщиками станции Помошная и готовил восстание в строительном батальоне, но, после того, как над Жулковским нависла угроза разоблачения, Зигмунд был вынужден уйти в лес, в наш отряд. И поскольку Зигмунд знал в этом батальоне все ходы и выходы, и имел в нем надежных товарищей, решено было послать туда диверсионно - разведывательную группу под командованием Жулковского.

Мне поручили подготовить его, подобрать людей в эту группу и вместе с ним разработать план внезапного нападения на указанный штаб с тем, чтобы захватить там карту с нанесенными на нее укреплениями.

И скоро я составил план операции и сформировал группу диверсантов.

Кто вошел в эту группу? Бывшие подпольщики со станции Помошная, хорошо знающие район предстоящей операции. Умеющие свободно говорить по - немецки, и способные сойти за настоящих немецких офицеров.

Первый, Зигмунд Жулковский. Настоящее его имя - Вольштейн Григорий Нахманович. Польский еврей, 1911 года рождения. Родился в городе Лодзь, коммунист с 17 лет. Бывший известный боксер, офицер запаса. С началом ВМВ служил в польской армии командиром артиллерийской батареи в звании поручика, и в 1939 году попал под Гдыней в немецкий плен, откуда бежал в родной город.

Во время ликвидации немцами еврейского населения Лодзи, Зигмунда вместе с семьей затолкали в автомашину - душегубку. И когда пустили газ внутрь машины, Жулковский смог уцелеть, дыша через смоченный кусок материи.

Он потерял сознание, был принят за мертвого и брошен немецкими палачами в ров, в котором закапывали задушенных газами евреев.

Когда Зигмунд очнулся, рядом с ним, лежали трупы его жены и двоих детей... Жулковский выбрался из могилы, добрался до дома своего товарища - коммуниста, ему достали фальшивые документы, и под новым именем Вольштейн; Жулковский решил начать мстить убийцам своей семьи и еврейского народа.

По заданию партийного подполья он вступил в польский инженерно - строительный отряд, который вскоре был переброшен на Украину.

Его воинское звание было, "на минуточку", обер - лейтенант вермахта.

Внешне - "чистый истинный ариец". Жулковский был грамотным, очень смелым и деловым человеком, свободно говорил по - немецки.

Жулковский при первой же возможности ушел к партизанам в лес и сразу завоевал уважение товарищей, считался надежным, инициативным, преданным партизанскому делу человеком.

Вторым по списку, но не по роли, которая ему отводилась в предстоящей операции, был диверсант экстра - класса, румынский еврей Михаил Имас.

Мой верный друг и надежный боевой товарищ. О нем расскажу подробно.

Родился Имас в 1916 году в Бендерах, в семье аптекаря. Еще в юности примкнул к антифашистскому движению, был исключен из гимназии, сидел в румынской тюрьме. Во время службы в румынской королевской армии вел подпольную агитацию в частях. Он мечтал стать журналистом, и когда в 1940 году Красная Армия вошла в Бессарабию Михаил Имас стал корреспондентом газеты "Новая жизнь". С началом Отечественной Войны, Имас - рядовой красноармеец.

Попал в Уманское окружение, при прорыве из которого, в районе реки Синюха был ранен и взят в плен. Из лагеря ему удалось бежать, он добрался до станции Помошная, где местные подпольщики сфабриковали для Михаила документ на имя Павла Борщевского, сына белоэмигранта, и устроили переводчиком в депо. Немецким языком Имас владел в совершенстве, говорил на чистом берлинском диалекте, знал многие другие европейские языки, но еще лучше, он владел ремеслом диверсанта.

Метко стрелял из любого оружия, отлично водил мотоцикл и машину.

Выполнял самые смелые и рискованные задания, в сложных ситуациях никогда не терялся и не падал духом. Обладал выдающейся личной храбростью и выдержкой, но умел, когда надо, и быть осторожным.

Только на личном счету у него было семь пущенных под откос немецких эшелонов и десятки убитых немецких солдат и офицеров.

Голубоглазый красавец с пышными пшеничными усами. На редкость смелый и находчивый подпольщик, который три раза арестовывался немцами, но всегда смог обвести вокруг пальца гестаповских следователей. У него было несколько псевдонимов, но мы его звали - Миша Белый, или Счастливчик. Идеальный диверсант. А ведь до войны Имас не имел никакой специальной подготовки.

Дальше подобрал в группу боевиков, способных выполнить любую задачу.

Иван Аврамович Царенко, лейтенант флота. До войны работал токарем, в армии окончил электромеханическую школу и служил на эсминце Северного Флота.

С началом войны сошел с корабля на берег, и вместе с частями морской пехоты воевал под Сталинградом и Харьковом. Бывший командир разведроты.

Вместе со своей ротой попал в окружение, из которого вышел с несколькими разведчиками и перешел к партизанским методам борьбы, но через несколько месяцев немцы выследили моряков и заманили отряд в западню.

Царенко с пятью матросами, не смог выбраться из кольца, у них кончились патроны и гранаты. Немцы схватили Ивана Царенко и его товарищей, приговорили к расстрелу. Шесть человек моряков решили бежать перед приведением приговора в исполнение, но спаслись только двое...

Три раза они пытались перейти линию фронта, и три раза приходилось уходить от вражеской погони. Его товарищ погиб, и Царенко пошел по немецким тылам один. В районе Малой Виски был схвачен полицией, приговорен к повешению, но подпольщикам, через

завербованного полицая, удалось его вызволить из камеры смертников и переправить на станцию Помошная.

Иван стал заместителем командира подпольной организации на станции, бывшего армейского капитана из 6-ой Армии Филиппа Похилько.

В станционной подпольной организации было 80 человек, которые тремя группами пришли в партизанский отряд имени Пожарского в самом начале осени 1943 года.

Следующим человеком, подобранным в боевики для выполнения специального задания, был Григорий Бронецкий, еврей, безукоризненно владевший немецким языком. Гриша был очень хладнокровным бойцом, имел свою "специализацию", стрелял немецких офицеров в стиле ставшего известным после войны Николая Кузнецова из отряда Медведева. Бронецкий позже погиб. Мы должны были уходить на новое место базирования, а у Григория был не закрыт личный счет с одним немцем, военным комендантом железнодорожной станции.

Бронецкий отпросился из отряда, чтобы "привести немца в исполнение".

В немецкой форме он спокойно прошел все посты, зашел в кабинет начальника, убил его, но тут произошла роковая случайность. На перроне стоял поезд с отпускниками вермахта, и в кабинет коменданта стала ломиться толпа солдат с требованием немедленной отправки поезда в Фатерланд.

И Бронецкому пришлось принять бой, он отстреливался из автомата до последнего патрона, но живым его не взяли...

В группу вошли также двое партизан, местные жители, умевшие водить машину и хорошо знающие все дороги в окрестных степях. Иван Гаджиенко и Иосиф Безродный. Легенда для них - водители, "хиви".

Приготовили машину, у нас были чистые немецкие путевые листы и командировочные удостоверения, различные "трофейные" бланки, штампы и печати. Сделали "путевку": обер-лейтенант Жулковский выполняет специальное задание командования. Трое из группы - в офицерской немецкой форме.

Разработали маршрут. Инженерные части находились в Гапсино и в Помошной. Расстояние между населенными пунктами - 18 километров.

Группа заехала в Гапсино, и тут выясняется, что штаб инженерного батальона на следующий день должен поменять место дислокации. У наших ребят была только одна ночь, чтобы успеть добыть нужные нам документы в Гапсино, а в случае неудачи, повторить операцию в Помошной. Заехали в село, остановились возле штаба. Имас пошел к штабу, насчитал во дворе восемь грузовиков.

Разговорился с каким-то немцем-офицером, сказал, что у него сломалась машина и пробит скат. Спустился в подвал где работали ремонтники и два наших пленных летчика, сбитых под Курском. Летчиков немцы использовали на подсобных работах. Выбрав момент, Имас обратился к ним на русском языке, мол, он партизанский разведчик, и ему требуется их помощь.

Летчики ответили - "Жизни не пожалеем! Выполним любой приказ!".

И сообщили Имасу, что на девять часов вечера в штабе назначен банкет на четырнадцать персон, и что их еще с утра заставили заготавливать дрова, рассказали, сколько часовых

оставляют на ночь возле штаба и другие важные детали. Расположение комнат в здании, где должен будет состояться банкет, наличие немецких машин на ходу, и много другое.

Летчики вызвались незаметно провести партизан в штаб.

И когда Имас вернулся к машине и рассказал Жулковскому, что он "завербовал" двоих летчиков, то Зигмунд&sp; выразил свое недовольство, мол, опрометчивый поступок, слишком большой риск, игра ва - банк с незнакомыми людьми.

Но решение принял... Вечером произошло еще одно событие, которое могло помешать операции. В районе Помошной был сброшен наш парашютный десант, сразу обнаруженный немцами. Началось преследование парашютистов.

Немцы в Гапсино были на ногах, в полной готовности присоединиться к погоне. Банкет в штабе начался с опозданием. Но у ребят уже не оставалось времени на раздумье. Подъехали к штабу. Имас вышел из машины и стал расспрашивать часового дорогу на Шполу. В это время, сзади незаметно подкрался Бронецкий и заколол немца ножом. Немец не успел издать и звука, труп оттащили в кусты.

Группа подошла к запертой двери, постучали. На вопрос, кто там в гости пожаловал?, Имас властно сказал - "Полевая жандармерия! Немедленно откройте!". Зашли в банкетный зал, а дальше по готовому сценарию - "Хэнде Хох!", и так далее. Никто из штабистов не успел выхватить пистолеты из кобур.

У командира батальона, подполковника, забрали ключи от сейфов, находившихся в одной из ближних комнат. Но тут появились непредвиденные трудности.

То мимо штаба медленно прошла колонна самоходок, то "зашли на огонек" два обер-лейтенанта. Их обезоружили. Пока все обходилось.

Но немецкий командир батальона оказался смелым офицером. Выбрав удачный момент, он выхватил из ящика, стоявшего в зале стола, пистолет "парабеллум", а за ним кинулись к сваленному на полу оружию другие офицеры.

Пришлось стрелять. Комбата и остальных сразу положили.

Но группа "засветилась", надо было уходить. В спешке пытались открыть сейфы ключами, но ничего не получалось, ключи входили в замки, но не проворачивались, сейфы имели свой секрет. Надо было заставить штабных немцев самих открыть сейфы, но штабные уже "выбыли на тот свет".

Но не зря в группу были подобранные люди умеющие хранить хладнокровие в самой безнадежной экстремальной ситуации. Ребята сняли сейфы и на найденной тачке загрузили их в машину. Гарнизон в Гапсино продолжал отдыхать, на автоматные очереди в доме никто не среагировал! В свою "старую" машину загрузили один сейф, а из стоящих возле штаба грузовиков "взяли займы" еще одну машину, поставив в кузов второй сейф, ящик французского коньяка, прихваченный в банкетном зале, и все оружие, взятое у убитых штабных офицеров. Разбились на две группы, по машине на каждую, и без промедления выехали из села прямо в степь. Но как ни крутись по полю, пришлось выехать на дорогу. Спокойно проехали через посты полевой жандармерии в Малых Висках, через Новомиргород и Златополье, но через два часа пути, в районе Сердиновец, уже стояли засады, поджидающие диверсантов.

Началась тотальная облава в двух районах области.

Дело дошло до того, что по нашим машинам стала стрелять самоходка "Фердинанд". В темноте машины разделились. На одной уходил от преследования Жулковский с ключами от сейфов, а на другой - Имас с Гаджиенко.

И о том, как группы, отстреливаясь из ручных пулеметов, прорывались через посты и засады, можно еще очень долго и подробно рассказывать.

Им удалось, минуя Смелу, проскочить до Константиновки и свернуть в лес, а там они были встречены нашими заставами.

Да еще свои пулеметчики, вовремя не разобравшись, встретили диверсионную группу огнем из пулеметов. Хорошо, хоть меткость стрельбы в этот день они не показали, и никого не убили...

И когда наши умельцы открыли первый сейф, то увидели, что он набит рейхсмарками! Документов в нем не было!

Имас еще мрачно пошутил - "Поместье в Баварии для Ваньки купим"...

Взломали второй сейф. Сначала достали из его чрева три новеньких пистолета, "вальтеры". Мы были просто взбешены неудачей. И тут Михаил достает из верхнего отделения сейфа карту. Только один взгляд на нее кинули, и сразу стало все ясно - это была карта днепровских укреплений!

Подробная карта инженерных оборонительных сооружений, минных полей, да еще с указанием расположения артиллерийских частей, командных и наблюдательных пунктов на правом берегу Днепра выше и ниже Черкасс.

Мы расшифровали эту карту, испещренную различными знаками : крестиками, ромбиками, колечками, многоточиями, маленькими дугами со стрелами, и так далее. И благодаря этой карте, на рубеже Дахновка - Свидивок было выбрано наиболее удачное место для высадки десанта и захвата плацдарма.

Это самое подходящее место называлось - село Свидивок.

Лет тридцать - сорок тому назад на экраны страны выходило немало кинофильмов, посвященных деятельности партизан - диверсантов в немецком тылу.

И находилось немало скептиков, заявлявших, что все это вымысел сценаристов, а "дежурные остряки", никогда не воевавшие, упражнялись в "остроумии" придумывая этим фильмам названия - "Трое убили семь тысяч" и так далее, в таком же роде. Мне было жалко этих убогих "ослоумных" людей.

Ведь операция группы Имаса - Жулковского -Царенко доказывает, что правильно снимали режиссеры эти кинокартины. Было такое, и на Украине, и в Белоруссии.

И сколько таких дерзких, смелых, успешных боевых операций было проведено советскими диверсантами. О очень многом до сих пор еще никто не рассказал...

Г.К. - Как выполнялась задача, по "препятствованию переброски немецких резервов к передовой и разрушению немецких коммуникаций " в районе Черкасс, осенью сорок третьего года в самый разгар боев на Правобережье?

Л.Б. - Партизанские подрывники частично заблокировали движение по железным дорогам, и немцы были вынуждены перебрасывать войска и вооружение к передовым на автотранспорте, по грунтовым лесным дорогам.

И тут мы придумали одну "новинку". Наши разведчики следили за немецкими саперами, устанавливавшими указатели на лесных дорогах, и когда саперы, выполнив свою работу, уходили, партизаны переставляли указатели так, чтобы направляющиеся к передовой резервные части, автоколонны или обозы с боеприпасами, в конце пути упирались в непроходимое Ирдынское болото.

Там их уже ждали наши засады, навязывали немцам неожиданные схватки и наносили врагу серьезные потери. Создалось такое положение, что немцам осталась только одна безопасная, как они думали, дорога : по деревянному мосту через реку Серебрянку, протекающую неподалеку от села Теклино.

И нашему отряду приказали этот мост разрушить, любой ценой...

Г.К. - И как был уничтожен Теклинский мост?

Л.Б. - Теклинский мост имел важное стратегическое значение, хоть и был деревянный и имел в длину всего 60 метров. Ближайший от моста лес находился на расстоянии километра, и все подходы к мосту представляли собой открытую болотистую равнину. С другой стороны реки Серебрянки вообще не было шансов подойти, там было такое болото, что сам леший оттуда не вылезет.

Дмитрий Горячий послал на подрыв моста, две сильные группы из опытных партизан, но все они были перебиты, еще на подходе к мосту.

Так и не успев его уничтожить.

Мост охранял взвод немцев, усиленный местными полициями.

Три ДЗОТа, два ряда густой колючей проволоки.

После двух неудачных наших попыток штурмовать мост, немцы несли караульную службу рьяно и бдительно, на подступах были размещены секреты и пулеметные засады. Пришлось мне заняться этим мостом лично.

Взял собой двадцать человек, два ПТР.

Группу повел местный лесник Коваль. На середине пути он вдруг "засомневался", пришлось ему сказать - "Если дорогу не знаешь, то сразу так и скажи, но, только не ври, а то получишь свинец в спину!". Он сразу вспомнил, где нужная тропинка.

За ночь дошли до района моста, залегли на опушке леса.

Стали наблюдать, и сразу поняли, что не может быть и речи о том, чтобы незаметно пробраться под мост и заложить мину.

Пытаться взять мост штурмом - тоже было "дохлой идеей", нас бы всех перебили еще на краю топкого болота.

Каждые две - три минуты немецкие регулировщики пропускали через мост по три грузовика в одну сторону, так что, к нашей досаде, машины не скапливались.

И тут Данильченко предложил мост не пытаться взорвать, а попробовать его сжечь. Подождать пока по мосту пойдет автоцистерна с бензином, и жажнуть по ней из бронебойки - машина вспыхнет и мост загорится.

Но попасть с такого расстояния по движущейся автомашине было сложно.

Возле моста и прямо на настиле лежали сложенные в аккуратные штабеля бревна и доски для ремонта моста.

Но даже если бы мы до них добрались и заложили бы туда мину натяжного действия или мину с бикфордовым шнуром - гарантировать успех никто бы не взялся. И тут меня осенила мысль - Воспользоваться ремонтом моста.

Вырезать в лесу две орешины, содрать кору, связать их крест накрест, и в сумерках поставить посреди моста. Любой водитель, осветив фарами этот знак, конечно же, сразу остановится. Скопление машин отвлечет внимание часовых, а мы, в этот момент, разделившись на две группы, и маскируясь с помощью веток, попробуем приблизиться к мосту, и там действовать по обстановке. И когда все было готово, смотрим, а приготовленного знака, "креста" - нет! У нас в группе мальчишка был Толя Кондратенко, так он по своей инициативе, еще до начала операции, в сумерках пробрался к мосту и, незаметно для часовых, поставил знак! На самую середину. И к мосту как раз подъезжает колонна грузовиков с боеприпасами.

На посту и на подъезде к нему вытянулись в линию 20 машин. Скомандовал командиру наших бронебойщиков Ивану Лавриненко - "Начинай!", и наши ПТРы стали точно бить по грузовикам на мосту и в хвост автоколонны.

На дороге разгорелись яркие костры, в кузовах горящих грузовиков начали глухо рваться снаряды. И тут подключились мы, простреливая кинжальным огнем из пулеметов освещенную пожаром дорогу со скопившимися на ней грузовиками.

У немцев паника., охрана даже не пыталась дать нам отпор и спасти мост.

Только минут через пятнадцать немецкие ДЗОТы ожили и открыли шквальный пулеметный огонь. Но было поздно, мы успели отойти на бугор вблизи леса и оттуда наблюдали, как горит мост вместе с машинами, и как в ночном небе высоко над мостом роятся тысячи искр.

Г.К. - И как долго немцы "терпели" отряд им. Пожарского в своем тылу?

Л.Б. - В конце ноября нас фактически "прислонили к стенке".

Мы их задели за самое живое. После разгрома гарнизона в райцентре Городище, налета на Балаклею и на склад в Млиеве, после того, как разведчики отряда вышли на два "засекреченных" полевых аэродрома в районе Новониколаевки и станции Канатово, и раскрыли расположение 200-х самолетов, и после много другого - терпение немцев лопнуло.

И если до этого вся наша война была не в одни ворота, то мы их прижмем, то они нас, - то здесь с нами решено было покончить окончательно.

Немцы начали карательную операцию, вышли двумя колоннами по 500 солдат в каждой к Ирдынскому болоту и сбили наше боевое охранение.

Силы были равны, оборону мы устроили крепкую, и были довольно спокойны. Партизаны отряда встретили немцев пулеметными "кочующими" засадами на тропках, ведущих через

болото, постепенно дали им продвинуться вглубь, а потом фланговым ударом начали громить карателей.

Пустили с тыла в бой сабельный эскадрон нашего отряда под командованием лейтенанта Андрея Кучерова. Каратели, кто успел, отошли с большими потерями и несколько дней нас не трогали.

Но это уже был прифронтовой немецкий тыл напичканный гарнизонами, резервными частями, специальными подразделениями, и немцам не потребовалось много времени, для концентрации крупных сил, привлеченных к операции по ликвидации отряда.

Сняли полк из 72-ой Пехотной Дивизии со станции Цветково, подтянули несколько отдельных батальонов, гренадеров, и на машинах перебросили в наш район. И они навалились всей силой...

Зажали по полной программе, не продохнуть, и все шло к тому, что нас скоро скинут в болото и утопят в нем.

Горячий сказал мне - "Помнишь "Разгром" у Фадеева. Левинсон прорвался через топь, и мы пробьемся! Обязательно пробьемся!".

Мы держались на своих позициях трое суток.

За нашей спиной огромное Ирдынское болото, которое не замерзало даже в самую лютую стужу. И пока основная часть отряда отражала немецкий натиск в районе Грековой горы, другие партизаны рубили деревья и стелили узкую гать через болото, через дышащую гнилью топь. У нас был в отряде местный лесник, Мирошниченко, который шел впереди "саперов" и, вооружившись длинным шестом, замеривал глубины в топкой жирной черной жиже.

Но сколько бы наши ребята не прокладывали гать, болото казалось бесконечным. А потом немцы подтянули к нашим позициям танки и большое количество артиллерии и минометов. Был открыт шквальный огонь.

Я до сих пор не могу забыть, как рвались над головой бризантные гранаты.

Немецкий штурм продолжался даже ночью, регулярные части не боялись ночного боя в лесу. Отряд уходил через гать, а я, с 50-ью бойцами, был оставлен в заслоне, прикрывать отход на склоне Грековой горы.

Остались со мной самые лучшие и опытные ребята. Это был очень тяжелый бой. Мы успели заминировать свой лагерь, поставили противопехотные мины, взрывные ловушки, "сюрпризы" натяжного действия. Пустили в дело все толовые шашки, нам уже было ни к чему беречь запас тола. Немцы вклинились в нашу оборону, в моей группе уже было тридцать раненых и убитых, но, ответственный за переправу, капитан Похилько, все время присылал с гати связных, с требованием - "Держаться! Еще не вынесли раненых через болото!".

Мы отступили из лагеря, и минные ловушки задержали немцев до рассвета.

Под утро до нас добрался сам Похилько - " Можно трогаться!". Но как ?

Мы не могли оторваться от атакующих немецких гренадеров, выйти из - под огня было уже невозможно. Я подал команду на отход, но было поздно...

И тут, как говорится, пришлось маленько покумекать, импровизировать по ходу пьесы - если жить сильно захочешь, то выход найдешь.

В низине за горой находился наш табун, кони из эскадрона Кучерова.

Как ни жалко было коней, но мы решили погнать их на немцев.

Пусть думают, что кавалерия атакует. И под отчаянный свист, крики и выстрелы, из метели вырвались кони и понеслись на немцев. Стук копыт, неистовое ржание, стремительный бег. Немцы остановились в изумлении. И пока они разобрались, что это просто лошади без всадников, а не атака партизанской кавалерии, мы успели соскользнуть со склона Грековой горы обращенной к Ирдынскому болоту, и выйти на едва заметную, в "пушистом ковре" из снега, деревянную тропинку.

И по этой "тропе жизни", по шатким доскам, пружинящим под ногами партизан, по прогибающемуся настилу, над жадно чавкающей ненасытной болотной утробой, над "оскалившей черную пасть" мертвой тухлой водой, мы уходили от преследования. Усталые люди срывались со скользких качающихся бревен в смрадную жижу. Падали, скошенные пулями и осколками, но мы, молча и упрямо, двигались вперед. Прошли метров 500, и заметили, что немцы идут за нами по гати. Царенко стал "шерстить" их из ручного пулемета, а Кабаченко, тем временем, заминировал гать. И мы взорвали тропу, вместе с преследователями подняли настил в воздух. И снова и снова, шли навстречу рассвету, сначала в ледяной грязи, а потом в снежном буране, в белой неистовой мгле, под минометным огнем немцев, обстреливающих болото, мы, группа прикрытия, неся на носилках своих раненых товарищей, смогли догнать свой отряд, прорывающийся к Днепру.

Г.К. - Но судя по архивным документам отряд Горячего - Беренштейна полностью сохранил свою боеспособность, и, уже на следующий день, без малейшей передышки после выхода из окружения, совместно с десантниками полковника Сидорчука из 5-й ВДБр и с партизанским отрядом Палехи, захватил внезапной ночной атакой с тыла плацдарм на правом берегу Днепра в районе села Свидовок, удержал его до переправы частей Красной Армии на правый берег реки.

Это операция отмечена во многих исторических и мемуарных источниках.

Как удалось такое великое дело "провернуть"?

Л.Б. - Приказ, захватить плацдарм у села Свидовок, был передан радиogramмой в том момент, когда мы находились в окружение у Ирдынского болота.

И прорыв из окружения для нас явился только прологом, в осуществлении поставленной задачи. К операции привлекались : отряд секретаря Черкасского райкома партии Сергея Наумовича Палехи и десантники 5-ой ВДБр полковника Сидорчука, уцелевшие во время неудачной высадки десанта в сентябре 1943 года, и перешедшие к партизанским методам ведения войны.

В принципе, мы должны были достигнуть цели, поставленные десантникам трех ВДБр еще в конце сентября. Ночью 28/11/21943 отряд наш отряд точно в срок остановился в условленном месте, на точке встречи с бойцами Сидорчука и Палехи. А на рассвете мы были обязаны захватить плацдарм. Люди очень устали после всех пережитых тяжелых событий последних дней, у нас было мало патронов, и бой на открытой местности с превосходящими силами противника не сулил нам ничего хорошего. Но приказ был получен, и назад дороги не было.

На рассвете три отряда заняли исходные позиции для атаки, в трех километрах от Свидивок. В лесу прятались местные жители, которые были вынуждены покинуть село, поскольку немцы вывесили приказ - "Тот, кто самовольно останется в селе после шести часов утра - будет расстрелян". Люди рассказали нам, как устроена немецкая оборона, указали точное расположение батарей и место стоянки танков.

Мы узнали, что в хатах стоящих непосредственно на берегу Днепра разместились немецкий пехотный батальон, имеющий телефонную и радиосвязь с Черкассами, стало известно расположение пулеметных точек, ДЗОТов, места дислокации дежурных взводов. Пришлось учитывать и еще одно обстоятельство - по дороге вдоль Днепра, с интервалом в два часа, курсировали пять бронемашин и восемь бронетранспортеров с немецкими автоматчиками.

И мы внесли коррективы в план нашей атаки.

В центре наступал отряд имени Пожарского.

На левом фланге - десантники Сидорчука и на правом - партизаны Палехи.

Наш отряд был поделен на три группы. Центральную группу повел в бой сам Горячий, левофланговую - комиссар Жилин, и правофланговую - я.

В резерве оставили роту Похилько, она шла позади нас в 150 метрах.

Из местных жителей стать добровольными проводниками вызвалось больше пятидесяти человек, надежные люди, которые нас уверяли, что у немцев "все глаза" направлены на Днепр, атаки с тыла они не ожидают, и, они, проводники, смогут незаметно подвести наши группы вплотную к немецким позициям и захватить танки, тем более, что танкисты из за лютого холода в танках не дежурят, на ночь не остаются, а спят в теплых хатах, и люки у танков закрыты. Мела вьюга, и партизаны бесшумно и осторожно двинулись к селу.

Увидели, как прямо перед нами ходят два немецких патруля.

У нас, двое, Имас и Жулковский, были в гитлеровской форме.

И громко ругаясь по - немецки они шагнули в снежную муть.

Без лишнего шума они зарезали двоих часовых, и мы прошли дальше, к нашей цели - немецкой артиллерийской батарее и к хатам, в которых разместились гитлеровцы. Мы залегли в снегу и стали терпеливо ждать сигнала на атаку, того момента, когда одна из ударных групп, вплотную подобрется к танкам.

Нас совсем уже замело снегом, когда в центре села раздались автоматные очереди и могучее партизанское "Ура!!!". Нападение для немцев было настолько ошеломительным и внезапным, что поднялась невообразимая паника.

И началось побоище. Двадцать танков и две артиллерийские батареи были взяты. Они не успели сделать единого выстрела. Пехотный батальон был почти полностью истреблен. Над селом взлетела серия красных и зеленых ракет.

В ответ, точно такие же ракеты сверкнули за Днепром.

Там поняли, что плацдарм захвачен.

На рассвете, на окраине села появился Горячий, приказал установить прочную связь с левым берегом, и укрепить плацдарм. И три партизанских отряда принялись укреплять захваченные позиции, мы очистили от снега, приготовленные к обороне немецкие траншеи. В этом нам помогало пятьсот свидивчан.

Многие из них вооружились трофейным немецким оружием и стали помогать нам, минировать местность и строить оборону. В селе нашли уложенные штабелями немецкие мины и сразу пустили их в дело, стараясь создать мощное прикрытие. Мы с надеждой смотрели на левый берег Днепра, куда правился на связь с частями 52-ой Армии наш Ваня Царенко.

И тут нас начали бомбить. Бомбили долго и сильно, до самого полудня.

На нашу беду бушевавший ночью буран присмирел и затих.

Волны пикировщиков сменяли одну за другой. Появилась наша авиация.

В небе не затихали воздушные схватки, но пока они не приносили облегчения наземным войскам. Немецким летчикам сразу удалось блокировать переправу, и за последующие три дня обороны плацдарма к нам почти никто не смог переправиться. Но самый трудный день - был первый день после захвата плацдарма, вся тяжесть обороны легла на партизан и местное население, которое вместе с нами защищало родные дома. Село было охвачено пожаром.

Немцы не могли смириться с потерей такого важного участка обороны на Днепре.

Представьте себе наш плацдарм - восемь километров по фронту и пять в глубину. С левого берега к нам успел переправиться небольшой отряд красноармейцев и командир, лейтенант с рацией. А в полдень на нас пошли танки.

Офицер с рацией держал связь с левым берегом, и оттуда нас поддерживала артиллерия. Первая атака была отбита. Но и немцы подтянули свои резервы, артиллерию, и накрывали нас шквальным огнем. И в сумерках снова продолжились атаки на плацдарм. И так трое суток, не смыкая глаз и не выпуская оружия из рук. Ожесточенные бои за этот "пяточок" не утихали ни на час.

Мы уже просто потеряли счет отбитым атакам и рукопашным схваткам, когда на четвертый день, армейскими героями - саперами, под непрерывным артиллерийским огнем и бомбежками, был наведен понтонный мост, который прочно связал два берега нашей "дорогой жизни".

На плацдарм прибыли танки T-34 и дивизион "катюш", и наконец-то, пришла артиллерия. Нас сменили регулярные части 52-ой Армии, а партизаны и десантники были выведены во второй армейский эшелон.

Г.К. - В захвате плацдарма вместе с Вашим отрядом участвовали десантники 5-й ВДБр, сброшенные в немецкий тыл в Днепровском десанте в сентябре 1943года. Десант был неудачным, если не сказать трагическим.

3-ая ВДБр погибла в нем почти полностью, а 5-ая бригада смогла собрать почти половину личного состава и со временем включалась в боевую деятельность в Черкасских лесах.

С двумя уцелевшими десантниками из 3-ей бригады я уже встречался, а на днях беседовал по телефону с бойцом из 5-ой десантной бригады Бекерманом, и он сказал, что только

благодаря партизанам, парашютистам его бригады удалось выжить и начать действовать. Это так?

Л.Б. - Правильно сказал ваш десантник. Фактически все 700 десантников из 5-ой бригады, которых немцы не истребили при десантировании и сразу после высадки, были собраны партизанами в окрестных лесах и переданы управлению бригады во главе с полковником Сидорчуком.

С полковником я неоднократно общался, и Сидорчук оставил о себе прекрасное впечатление. Культурный человек и грамотный офицер. Крепкий мужик.

Но трагедия Днепровского десанта усугублялась тем, что десантники, прекрасно подготовленные в военном отношении, все равно, с одним легким стрелковым оружием в руках, не могли многого противопоставить грандиозной облаве предпринятой немцами с целью окончательной ликвидации последствий высадки и уничтожения отдельных групп парашютистов.

И если бы партизаны, с самого начала не послали бы в район разброса 5-ой бригады, своих разведчиков и проводников, то вряд ли бы кому то из этого десанта удалось бы добраться до спасительных лесных массивов.

Ведь кто-то это десант выдал немцам. Гитлеровцы ждали десант, это однозначно. Немцы жгли сигнальные костры "углом на север", ведь они знали откуда-то, какой конфигурации должен быть рисунок сигнальных костров.

Такие же костры на плотках в час высадки немцы пустили по Днепру.

А сколько десантников, было ошибочно сброшено с самолетов прямо в топи Ирдынского болота или в черные воды Днепра...

Как только мы узнали, что творится с десантом, то пошли на выручку.

Немецкое кольцо облавы шло впереди нас, мы сначала не могли вклиниться между карателями. И я до сих пор не могу забыть, как сразу за немцами мы подошли к хутору Басы, полностью сожженному немцами незадолго до нашего появления. Сожгли его - за помощь десанникам. Жуткое пожарище.

Жителей хутора, а это тридцать семей, загнали в хаты, "факельщики" облили соломенные крыши бензином, наглухо закрыли ставни, двери подперли кольями, и подожгли хутор. Те, кому удавалось вышибить дверь или выпрыгнуть в окно, все равно находили смерть от пуль или тесаков.

В том же районе, за укрывательство десантников, немцы уничтожили, сожгли заживо всех обитателей лепрозория - триста больных и человек пятьдесят медперсонала, одна женщина только смогла спастись...

Если бы не помощь партизан, всем бы десанникам была бы "крышка".

Хорошо помню, как на мою группу вышло сразу 60 парашютистов, во главе с командиром пулеметной роты из 5-ой ВДБр старшим лейтенантом Николаем Зюзиным. Отлично обученные ребята, с автоматами, бронебойками и двумя крупнокалиберными пулеметами. Они, попавшие в тяжелый переплет еще при высадке, третий день голодные бродили по окрестностям, уходя от преследования, не имея элементарно - даже крошки хлеба, и никакой

связи с командованием. А ведь достать провиант, во вражеском тылу, не имея навыка, не так просто. А немцы десант ловили очень упорно и грамотно.

Даже специально организовали для приманки псевдопартизанский отряд.

Г.К. - Как Вы узнали о таком псевдопартизанском отряде?

Л.Б. - Сначала разведчики из группы Литвина сообщили, что какая-то банда, выдающая себя за партизан, ворвалась в Буду - Орловецкую, ограбила несколько дворов, устроила пьяный дебош и ушла в лес.

Потом пропал наш обоз из четырех подвод с продовольствием, который мы послали к терпевшим лишения и голодавшим десантникам и штабу 5-ой ВДБр, к Сидорчуку. А с обозом пошли очень опытные партизаны, все "кадровики".

Десантник, ст. лейтенант Зюзин, еще находился в нашем отряде, так он послал своих нескольких ребят на связь к командиру 5-ой бригады, и они не вернулись, как в воду канули.

А потом пошли сообщения о налетах на ближайшие села каких-то "непонятных партизан", которые действовали по одному стандартному сценарию.

Они, выглядевшие, как обычный партизанский советский отряд, чуть ли не с красным знаменем впереди на тачанке, спокойно заходили в село, сначала никого не трогали, только присматривались и выясняли, кто симпатизирует и готов помогать партизанам, и объявляли, что готовы принять всех желающих в свои ряды. К ним выходили скрывавшиеся десантники, "окруженцы", простые крестьяне - патриоты, и тут начинался кровавый спектакль.

Всех желающих выстраивали, говорили им "Что - то вы поздно решили в партизаны податься. Красная Армия на Днепре, а вы только теперь решили ей помогать!? Где вы были раньше?! Немцам помогали? Все вы трусы изменники Родины! Вы приговариваетесь партизанским судом к расстрелу!".

И убивали всех добровольцев на месте. А потом шли по селу и снова убивали ни в чем не повинных людей, как "врагов партизанского движения и Советской власти", грабили, жгли дома и насиловали женщин...

Мы были серьезно встревожены, считая, что это действуют "дикие" отряды, а это оказались "черные сотни".

Между нашим Смелянским лесом и всеми селами в округе вдруг возникла незримая стена, к нам перестало прибывать пополнение, и в селах на нас смотрели как на лютых зверей. Начали действовать, в разных направлениях ушли наши разведгруппы, и вскоре одна из них вернулась с потерями и сообщила, что в 15 километрах от Ирдынского поселка, на лесной высотке расположился незнакомый отряд, который встретил нашу разведку пулеметным огнем.

Примерную численность отряда им не удалось установить.

Выяснилось, что противником также перекрыты дороги на Староселье и Буду - Орловецкую.

И пришлось послать в разведку наших "сынов полка", двух юных партизан, Кима Царькова и Толю Кондратенко. Под видом пастушков, перегонявших вместе со своими родителями гурты скота из Полтавы и отбившихся от родных во время налета партизан, они пошли по селам, якобы, в поисках потерявшихся родителей.

И на лесной тропке их задержали незнакомые люди, вооруженные до зубов, с нашитыми красными лентами на шапках.

Их привели в отряд, какой-то плотный детина в немецком мундире и в серой кубанке, выслушал их, а потом приказал - "Ладно, выведите их на дорогу и дайте пинка под зад. Пусть валяют!".

И пока Ким с Толей спускались с лесного холма, то насчитали 12 пулеметов и двести человек, внешне выглядевших как обычные партизаны.

А потом появился наш ротный Андрей Кучеров и сообщил, что возле поселка Ирдынь неизвестными захвачены в плен : Бекташев, Имас и Царенко.

И весь отряд имени Пожарского сразу двинулся на выручку своим лучшим бойцам. Как потом рассказал мне Царенко, в тот момент, когда им наперерез вышли люди, человек двадцать с красными ленточками на шапках и звездочками на пилотках, то они подумали, что это хлопцы из отряда Палехи, и только когда их окружили и стали разоружать, до наших дошло, что это - "подстава".

Имас только успел крикнуть товарищам - "Мы десантники!", и Ивану с Бекташевым сразу стало ясно, как держаться на допросе. На великую удачу, все трое были одеты в синие десантные комбинезоны.

Привели к какому-то "партизанскому командиру" - "Кто такие?" - "Десантники" - "У нас уже таких много побывало! Допрыгались?! Суки! С партизанами встречались?" - "Нет". И тут появились два немецких офицера, и "командир" спросил у них по - немецки - "Куда их?" - "Отправь пока в Смелянский лагерь".

Ребят заперли на ночь в сарае, но опытные диверсанты смогли незаметно бежать. "Технические детали" побега я рассказывать не буду, это долго может получиться. Трое диверсантов ночью добрались до группы Сидорчука, и предупредили, что рядом находится лжепартизанский отряд и десантники должны предпринять все меры предосторожности, чтобы по ошибке не спутать бандитов с партизанами - "пожарцами".

А на рассвете наш отряд, под командованием Дмитрия Филимоновича Горячего, совершив ночной марш - маневр, внезапно атаковал лесную высотку, на которой под видом партизанского лагеря расположились "черные сотни", коварные сволочи. Мало кто из них смог прорваться.

От пленных мы узнали, что этот лжепартизанский отряд был сформирован Абвером и гестапо в городе Шахты Ростовской области из отъявленных уголовников, карателей и палачей - полицаев. Немцы возлагали на этот отряд большие надежды, но мы им здорово "подкузьмили".

Всех взятых в плен предателей расстреляли без жалости.

Г.К. - Немцы пытались внедрить в отряд своих тайных агентов?

Л.Б. - Постоянно пытались заслать "казачков", чуть ли не на поток это дело поставили. Расскажу вам об одном таком эпизоде.

В Славуте была школа Абвера, которая выпускала хорошо подготовленных агентов и разведчиков - террористов, целью которых было ведение разведки и уничтожение командного состава партизанских отрядов.

В основном наш отряд пополнялся за счет местных подпольщиков, надежных и проверенных людей, которые неплохо знали друг друга, и затесаться в их ряды предателю было сложно. Особое внимание мы обращали на одиночек, приходивших в отряд или появлявшихся возле него.

Я хорошо помнил, как в свое время, переводчик Бондаренко со станции Шевченко предупреждал меня о немецкой славутской разведшколе, куда отбиралась отъявленная нечисть, специально подобранные преступники, полицаи, и другие ярые враги Советской власти, давно "повязанные кровью", и поэтому, например, всем штабным работникам принимавшим новичков, было дано указание, что если при проверке, на вопрос - откуда прибыл ? или в каком концлагере находился? кто-то упомянет Славуту, - то следует немедленно доложить о таком новичке мне лично. Приходят в отряд двое, утверждают, что сбежали из Смелянского лагеря военнопленных. Вернее не пришли, а приехали на подводе, сказали, что ее им крестьяне дали. Худые, в рваной одежде, лица заросли щетиной. У них в подводе обнаружили два пистолета "вальтер". На вопрос где взяли ? - отвечают путано.

Мы у них воротники проверили - нашли ампулы с ядом для самоуничтожения и ленточки с номерами и специальными знаками.

Это у немецких агентов было вместо пароля и удостоверения личности.

С такой ленточкой они могли явиться в любую немецкую воинскую часть, в полевую жандармерию или полицию.

Говорим им - "А с виду вы такие, что и муху не обидите, еле- еле душа в теле. Говорите! Кто такие!?". Молчат. Берем их "на пушку" - "Что Славуту забыли?"

Мы же знаем, что в Смелянский лагерь вас из Славуты для маскировки направили!

Давай, сознавайтесь, ваша карта бита!".

И тут они "протекли", только слушать успевай.

Рассказали о структуре диверсионно - террористической школы, о том, как их обучали меткой стрельбе из разных видов оружия, приемам рукопашной борьбы. Они могли быть радистами и минерами, и даже знали поварское дело, умели чинить обувь и шить одежду - это в расчете на то, что мелкие бытовые услуги оказанные партизанам, помогут им замаскироваться, войти в доверие, а потом, все это даст возможность свободно действовать.

Задержанные рассказали, что изучали также тактику партизан, знали, как располагаются наши стоянки, посты, дозоры, шаблон несения караульной службы внутри лагеря. Классно подготовлены были, а "спалились" быстро...

Продолжаем их "колоть" дальше. Рассказали они и про своего немецкого офицера связи, про тайник в Будянском лесничестве и о запасном варианте передачи сведений - бросать донесения в кружку пожертвований "На храм", висящую на церкви в Буде - Орловецкой. Но мы чувствуем, чего- то не договаривают.... "Прижали" их еще немножко. И один из них, взамен на сохранение жизни, сообщает следующее - " Завтра в отряд попытается пробраться человек одетый во "власовскую" форму. Он придет лес, скажет что решил покончить с прошлой жизнью, и попросит принять его в отряд и дать ему возможность кровью и героизмом смыть с себя грех перед Родиной.

Худощавый блондин, среднего роста, лет двадцати пяти, хорошо знает лес. Очень опытный. На его "счету" уже не один партизанский отряд, приказавший долго жить. Этот человек был

переброшен из Славуты в Черкассы, почему-то в штаб дивизии "Викинг", а оттуда его должны забросить в ваш лес". И когда такой человек пришел к нам в отряд, мы были готовы к приему "дорогого гостя"...

Или как-то появляется у нас очередной новичок - одиночка.

Доверия не внушил, что - то в нем насторожило, манера держаться, взгляд.

Взял его к себе на душевную беседу наш отрядный "особист".

Выходит из землянки и жалуется - "Молчит, гад!".

Такого быть не могло даже в теории. У партизан все говорят, у нас молчунов не бывает. Забрал его в свою землянку.

Стал с ним беседовать, сказал, что его поведение в отряде вызвало у нас некоторые подозрения, и мы хотим во всем разобраться. Спросил его, откуда он, где жил до войны. Он отвечает - "Я ростовский, из Персияновки".

А Персияновку, бандитский пригород Ростова, я знал неплохо.

Все же учился в Ростовском пехотном, и рядом с этим пригородом у курсантов часто проводились учения, да и в увольнении там довелось побывать.

И на Ростове он начал "гореть синим пламенем"...

Но видно, битый волк, держится солидно, как ни в чем не бывало, внешне спокоен.

Говорим дальше - "о погоде, о видах на урожай".

А потом я ему сказал - "Товарищ, вот тебе чистые листы бумаги и карандаш. Напиши сам свою автобиографию и что с тобой, в военные годы приключилось. Вот тебе покушать и выпить, если захочешь. А я пойду, отдохну".

Вышел из землянки, поставил в четырех направлениях возле нее часовых, и предупредил, если "гость" сбежит, я "проспавшего часового" лично застрелю!

А сам в глубине души еще имею сомнения, а может зря мы занервничали, может у человека сложная судьба, так он всего рассказывать не хочет.

Под утро навестил его. Бумага чистая, еда и спирт стоят на столе не тронутыми. Все ясно, ничего не ел, потому что боялся, что отравят.

Говорю ему - "А ты, мил человек, шпион немецкий, придется тебя в расход пустить!". И в ответ услышал такое, что все мои последние сомнения в виновности этого типа, развеялись как пыль по ветру. Он начал меня вербовать на работу в немецкую разведку, предлагать огромные деньги, германское гражданство и высокий пост в тайной полиции, если я помогу ему бежать и "сдам" отряд. Оказался, немец, но владел русским языком безукоризненно.

Он, бедняжка, даже представить не мог, что предлагает все это не начальнику штаба Васильеву, а еврею, лейтенанту Беренштейну.

Позвал Горячего, доложил ему, какая "птица к нам в отряд залетела".

Горячий внимательно все послушал, пристально посмотрел на сидящего с окаменевшим лицом немца, и сказал - "Списать!". Пришел наш "отрядный специалист по списыванию", повел агента в соседний лесок, в последний путь.

А "исполнитель" работал исключительно только ножом, и, видимо, замешкался, и шпион, хоть и подраненный, но все же смог уйти из леса, через все посты и заставы. Но такого "кадра" нельзя было упускать. Подняли по тревоге разведчиков и так далее, прочесали все окрестные леса и хутора.

И тут, нам, в одном из сел, старушка говорит - "Сынки, а у меня раненый партизан прячется, его немцы в облаве подстрелили" - "Ну так давай мы его к себе заберем, у нас в отряде и доктора есть".

Заходим в хату, а там ... наш "старый знакомый с Персияновки".

Пришлось его, просто, без хохмочек, расстрелять.

А "специалисту" отрядному, был "объявлен строгий выговор".

Г.К. - В подобные "специалисты" шел какой-то отбор, или на эту "должность" назначался любой желающий?

Л.Б. - Ваш вопрос - лишний, если не сказать - "не очень умный".

Отвечу коротко. На такую "должность" назначал командир отряда.

Далеко не каждый человек, будь он даже опытным партизаном, ранее убившим в боях из винтовки добрый десяток немцев и полицаев, способен ножом зарезать безоружного врага или предателя. Ведь тут не о рукопашной схватке речь идет... Убить человека ножом - это редкое умение, которое требует навыка, выучки и стальных нервов. И кстати, как правило, такие "умельцы", в обычном бою, никогда не были в первых рядах атакующих. Не всегда это были лучшие люди...

Но партизанская или гражданская война, зачастую не знает жалости.

В 1944 году одного нашего партизана поймали в плен боевики АК.

Пытали. Топором рубили по одному пальцу на руке. Партизан молчал.

Поляки - "аковцы" повесили его головой вниз, и, будучи уверенными, что пленнику скоро настанет конец, ушли в лес.

Из петли партизана вытащили пастухи, находившиеся неподалеку.

И я приказал своему отряду поймать извергов, истязавших нашего бойца.

Взяли их живьем. Привели к себе. Зову партизана, которому пальцы рубили топором, спрашиваю - Эти тебя пытали?- Да - Вот тебе топор, теперь ты их шинкуй - Не могу - Обязан смочь! Но ведь он не смог...

Нашлись другие добровольцы. А одного из изуверов-мучителей, мы в укороченном виде вернули живым к польской банде, чтобы рассказал своим, как мы мстить умеем. Так мой отряд после этого случая, эти боевики за двадцать верст стороной обходили...

Г.К. - Партизан за мародерство в Вашем отряде им. Пожарского расстреливали?

Л.Б. - Наказывали строго, но не всегда расстреливали.

В зависимости от тяжести содеянного проступка.

За взятую без спроса курицу, человека жизни не лишали, но за явное, наглое мародерство - карали сурово.

За все продукты взятые у местного населения, мы платили советскими деньгами, полученными нами вместе с грузами, сброшенными с самолетов с Большой Земли. Все было честно и порядочно.

А с бандитами в партизанских рядах мы боролись, и каленым железом выжигали такую мразь. Приведу пример. У нас в отряде была группа бывших "власовцев", а вернее сказать, бойцов Туркестанского Легиона, перешедших на сторону партизан. Воевали они неплохо, зарабатывали прощение в бою.

Но как-то эта группа, по дороге на выполнение задания, ограбила и изнасиловала одну сельскую учительницу. В этой группе был человек, работавший на отрядного "особиста", так он, все рассказал своему "куратору", что и как там произошло. "Особист" сразу доложил мне о случившемся.

Вызвал я к себе старшего группы, и предложил: пойти в село, вернуть все награбленное и покаяться перед пострадавшей. Он отказался!...

Ну, если отказался, тогда будем решать по законам военного времени, за бандитизм и мародерство наказание у партизан одно - расстрел.

И тут наш комиссар взял эту группу под свою защиту, он обратился к Горячему со словами - "Дмитрий, до каких пор ты этого жида будешь слушать!?".

Я сказал комиссару - "А это вы зря, Иван Архипович, так для вас все может плохо кончиться. Я вообще удивляюсь, как в отряде, созданном Советской властью, может быть такой комиссар!?"...

Но комиссара я все же не стал трогать.... Это был единственный раз, за всю войну, когда я не расквитался с человеком оскорбившим меня по нации.

А старшего этой группы мародеров расстреляли перед строем отряда.

Г.К. - Какая судьба ждала бывших "власовцев" и полицаев, воевавших на нашей стороне в отряде Горячего, после соединения с частями Красной Армии?

Л.Б. - Согласно действующим инструкциям, все бывшие полицаи и "власовцы" поехали под охраной на проверку в специальные "проверочные" лагеря НКВД.

Но перед отправкой, на каждого из них командиры писали боевую характеристику.

Партизанские заслуги, если они были, тоже учитывались.

Кстати, партизаны, бывшие "окруженцы" и военнопленные - командиры РККА, также, согласно существующему положению, в обязательном порядке, должны были проходить проверку в фильтрационных лагерях.

Исключение делалось только для части командного состава отрядов и для тех партизан, которые своими подвигами и боевыми достижениями, давно заслужили полное доверие и признание. А с "изменниками Родины", бывшими "власовцами", "легионерами", полициями - разговор всегда был более серьезный.

В Чехословакии, в конце 1944 года, у меня в отряде было тоже, больше двухсот "власовцев". Помню, как они после перехода к нам, принимали присягу при свете луны. Но это уже была немного другая публика, чем "власовский контингент" в отряде им. Пожарского. На "чехословацких власовцах" крови людской было побольше... Так они, перед соединением с нашей армией, стали частенько друг другу в спину стрелять, убирать лишних свидетелей своих бывших злодеяний...

И такое было...

Г.К. - Леонид Ефимович, есть у меня к Вам один вопрос, который многие хотели бы Вам задать. В последние два года войны Вы дважды представлялись к званию Героя Советского Союза и еще отдельно представлялись к награждению орденом Ленина. Еще в 1941 году, за июльские бои, Вас также представляли к ордену Боевого Красного Знамени

На Вашем личном боевом счету 8 пущенных под откос немецких эшелонов и еще 42 подорванных эшелонов "в группе". Согласно приказу Верховного звание Героя давали партизанам за 10 уничтоженных эшелонов.

Летом 1944 года Ваша диверсионная группа достигла уникального боевого успеха, обнаружила испытательный секретный полигон для запуска ракет ФАУ-2 в районе польского местечка Дембица, и способствовала его уничтожению.

Об этом успехе даже упомянуто в переписке Сталина и Черчилля.

Действия Вашего отряда в Польше и его участие в Чехословацком народном восстании, входили в лекционный курс обучения офицеров АГШ..

Высадившись во вражеском тылу с группой из девяти человек, через семь месяцев, на момент соединения с частями армии Вы командовали уже четырехтысячным партизанским соединением, попортившим немцам немало крови.

И у меня еще собраны многие примеры Вашего личного беспримерного героизма. Одна операция в Австрии в конце войны чего стоит.

Она до сих пор не рассекречена. Но в данном, "австрийском" эпизоде, я знаю, почему Вас тогда не наградили.

Но даже если взять отдельно, захват плацдарма в Свидовок на Днестре.

Почему нескольким командирам - десанникам из бригады Сидорчука присвоили звание Героев, а партизану Беренштейну - нет?

Понятно, что десантников представляло отдельно армейское командование, а партизаны шли "через свои инстанции". Но, почему такое происходило с Вами?

Л.Б. - Вопрос ваш длинный, а ответ на него - короткий.

Маленький пример. Сидим как - то с начальником наградного отдела Украинского Штаба Партизанского Движения товарищем Хорошиловым, который знал меня под псевдонимом

Васильев. Он спрашивает меня - "Володя, что там у вас в отряде за жид такой, Беренштейн? Мне на него наградные листы на Героя Советского Союза присылают, а я их под сукно, под сукно!".

А приказ о представлении к награждению Золотой Звездой "за десять эшелонов" редко выполнялся. Например, Моисей Бреслав, 1919 г.р. выпускник Харьковской минно - подрывной спецшколы 1941 года, командир диверсионной роты в отряде имени Кармалюка, пустил лично под откос 26 вражеских эшелонов, и в 1944 году был представлен посмертно на ГСС, но этот наградной материал так и не рассматривался в высоких штабах, хотя и сам генерал, Тимофей Строкач, который позже написал о Бреславе в своих мемуарах, пытался дать этому наградному листу ход. Я, работая над своей книгой о партизанах, в семидесятые годы, очень много времени провел в Центральном архиве партизанского движения, и там мне такие документы довелось увидеть, что до сих пор кое-чему удивляюсь...

Еще вопросы есть на эту тему?

Г.К. - Когда Вы были начальником штаба отряда им. Пожарского, и после, когда Вы командовали партизанским соединением, Ваша национальность как- то "комментировалась" партизанами?

Л.Б. - Понятия не имею, кем, когда и как она комментировалась в партизанском отряде. Начнем с того, что мою настоящую фамилию и национальность, кроме командования отряда и некоторых руководителей УШПД, знали в основном только мои разведчики и диверсанты. Для всех остальных, для новичков пришедших в отряд, я был "командир отряда Васильев".

Да даже, если бы меня звали Хаим Рабинович, или Исаак Гольдберг, вряд ли бы кто, смог, что- то плохое вслух сказать обо мне.

Я всегда шел впереди лично. Все показывал на своем примере - в бою, в разведке, на диверсионных заданиях. Ни у кого язык, я думаю, даже сейчас, не повернулся бы сказать - ему было легко, он начштаба, или, "он был только командиром".

Командиром партизанского соединения меня избрали единогласно командиры всех отрядов, в него вошедших. И когда, в Чехословакии, мы шли из окружения на прорыв к частям армии я первым пошел в атаку, впереди партизанских цепей.

Воевал я честно, выжить никогда не надеялся, и себя в бою не жалел.

И когда кончилась война, я еще два года скитался по госпиталям с перебитыми позвонками, и ходил на костылях, так и не в силах поверить, что все - таки уцелел!... Всем смертям назло...

Г.К. - Вашего "коллегу" по Чехословацкому восстанию и друга в мирной жизни, капитана Евгения Волянского тоже дважды представляли к Герою.

По Вашему мнению, причина отказа в присвоении звания - национальность?

Л.Б. - Не могу ответить односложно, а вернее сказать, не могу знать.

Волянский, по всем документам, шел как русский по национальности.

О том, что он еврей, я сам узнал случайно, в шестидесятые годы.

Ехал в поезде в Киев со старой женщиной - еврейкой в одном купе, и вдруг, она, увидев мои орденские планки на пиджаке, и узнав что я - бывший партизан, заявляет - "А мой племянник Фимочка, наш Хаим, бывший командир партизанской бригады, его все на Украине знают. У него пять орденов, из них три - Боевого Красного Знамени. Мы так им гордимся!".

Командир бригады "За свободу славян"

Евгений Волянский

Я вроде всех бригадных партизанских командиров, воевавших на Украине, знаю, а про такого Фимочку - Хаима никогда ранее не слышал.

И стал по памяти перебирать всех евреев, партизанских комбригов на Украине и в Польше, - Наценко, Сатановский и так далее. Но никого из них Фимой не звали.

Я любопытствовал у попутчицы - "А как полное имя вашего родственника?".

В ответ слышу - "Ефим Борисович Коренцвит из Жмеринки.

Ну вы конечно его должны знать. Он - Женя Волянский".

Я переспросил - "Женя Волянский на самом деле - Фима Коренцвит? - "Да"...

А через несколько недель мы встречаемся с Волянским. Взял бутылочку коньяка, выпили по рюмочке и я спросил напрямую - "Так ты у нас не Женя, оказывается, а Хаим, или Фима?". Волянский начал оправдываться, и говорить, что в начале сорок второго года, когда он повторно уходил партизанить в немецкий тыл, в ГлавРазведУправлении КА ему выдали документы на имя русского человека Евгения Волянского, так он под этим именем и живет всю жизнь.

Я послушал его объяснения и сказал - "В подполье я был лейтенантом Васильевым, но в ту же минуту, когда я пришел в отряд, то честно и с гордостью сказал, - меня зовут лейтенант Беренштейн! А ты после войны был обязан вернуть свою настоящую фамилию и нацию твоих предков!"

Г.К. - О боевом пути Волянского расскажите, если возможно?

Л.Б. - О нем, конечно, стоит рассказать.

Великолепный был диверсант и партизанский командир.

Волянский- Коренцвит был одесситом, хотя детство его прошло в Жмеринке.

С 1939 года в Красной Армии, кадровую службу "ломал" на Урале, в 1941 году, перед самой войной - закончил курсы младших лейтенантов.

Под Смоленском попал в окружение и с группой бойцов перешел к партизанским методам борьбы, стал начальником разведки в партизанском соединении "Дедушка". Первый орден получил за выполнение специального задания в Руднянском районе Смоленской области. Был ранен, вывезен на Большую землю, и в начале 1943 года десантирован в Хинельские леса, на Украину, в партизанский отряд полковника Мельника, стал начальником разведки соединения, которое лично выводил четыре раза из немецкого окружения.

Весной сорок третьего лично подорвал немецкий бронепоезд на линии Гомель - Калинковичи. Летом 1944 года во главе группы из 15 человек (семь русских и восемь словаков) был выброшен с парашютом в Нижние Татры для организации партизанского движения и соединившись с ранее десантированной группой Петра Величко за три недели создал отряд численностью в 500 бойцов, а уже в сентябре принял командование партизанской бригадой "За свободу славян", в которой насчитывалось более полутора тысяч человек.

Кроме успешной активной боевой деятельности, капитан Волянский еще выполнил сложное задание, он смог "выйти" через свою агентуру на личного представителя регента Миклоша Хорти графа Зичи, а далее - и на венгерского генерал - полковника Габора Фараго, которых, как венгерскую делегацию, готовую вести переговоры о выходе Венгрии из войны и вступлении в боевые действия против Германии, переправил в Москву.

С октября 1944 года по февраль 1945 года бригада Волянского вела непрерывные бои с частями СС, несколько раз в тяжелой боевой обстановке прорывала кольцо гитлеровской блокады, нанеся немцам серьезный урон.

После войны Женя окончил Одесский технологический институт, и работал инженером в Киеве. Это был очень скромный человек, благожелательный к людям.

Война сделал его инвалидом, он тяжело болел, и ушел из жизни в 1988 году, в возрасте 67 лет. В Словакии он считался народным героем, там в каждой школе висели его портреты, а на Украине - его... "старались не замечать".

Ему, после войны, пришлось испытать в своей жизни немало тяжелых и драматических моментов, но Волянский не сломался, и оставался честным и порядочным человеком.

Г.К. - По личному Вашему мнению, почему, даже сейчас, многие партизаны отказываются говорить о так называемых "темных сторонах" партизанской жизни? А правильнее сказать, что когда даешь текст интервью бывшим партизанам на правку, то они не решаются оставить для публикации свои же правдивые рассказы о фактах предательства и трусости, или о непростых отношениях в самих отрядах. Говорят - "это лишняя информация", или - "это не надо публиковать", и так далее, и в таком же духе...

Но эта страшная правда, которую они считают "лишней", - ведь тоже часть партизанской жизни и войны в тылу врага.

Л.Б. - И возможно, что они правильно делают, что убирают из текста подобные факты. К примеру, если рассказывать о предателях и перебежчиках, то надо, если - по честному, называть их фамилии. Тут есть один этический аспект.

И представьте, что такое интервью, прочтут дети или внуки этого предателя.

Как им с этим быть, они за папашу или деда не отвечают...

Вот я фамилию полицейского начальника Шатайло вам назвал, и сомневаюсь, а нужно ли было говорить фамилию. Все ансы и коллизии войны в немецком тылу трудно осмыслить и понять современному человеку.

Я понимаю, что вам хочется "подсыпать перчика" в текст интервью, рассказать о случаях, о которых нельзя было писать в советские времена.

Но что толку, если вы напишите - допустим, некий местный житель "Икс" - был предателем, а другой - скажем, партизан "Игрек" - мародером, а третий, назовем его - "Зет" - был патологическим трусом и во время боев прятался в землянке.

Ну что вам это даст, кроме "красочности повествования и пикантных подробностей"? Люди и так прекрасно представляют, что творилось в лесах на оккупированной территории.

Г.К. - Но хотелось бы знать, как все было на самом деле, в разных аспектах партизанской деятельности.

Л.Б. - Есть такая правда, которой можно и подавиться.

Поймите меня правильно, да, я согласен, что это интервью, а не пособие по ведению партизанской или диверсионной войны.

Но к чему "жареные факты"? Зачем? Какой от них толк?

Кому станет лучше, если сказать всю правду?

Вот простой пример. Один брат - известный партизанский командир, а второй - начальник районной полиции у немцев. Я со своими разведчиками как-то "брата - полиция" выкрал, и отдал его брату - партизану, для "душевного разговора".

И чем этот разговор завершился - даже гадать не надо. Но я не хочу например называть фамилию братьев, или место, откуда они оба родом. Лишнее это...

Партизанская война велась не в белых перчатках, в лесах альтруисты и гуманисты не водились. За любой неверный шаг партизаны расплачивались гибелью своих отрядов. Приходилось быть жестокими по отношению к предателям, к гитлеровцам, и их пособникам, и эта жестокость была полностью оправдана.

Вы же никогда не зададите партизану глупейший вопрос, вроде - "А как поступали в отряде с взятыми в плен гитлеровцами?"

Представьте себе. Райцентр Клетня. Руководит полицией бывший коммунист, бывший командир РККА, бывший работник Особого Отдела стрелковой дивизии. Все в прошлом, и человеком он давно перестал быть, а являлся палачом и предателем. И потребовалась партизанам Черниговско - Волынского соединения особо секретная информация от этого предателя. И, они, попытались на него "выйти" напрямую. Пять человек направленных из

отряда в Клетню не добились успеха, некоторые из них погибли. Шестой пошла девушка, Аня Кавалерчик, которая сумела встретиться с начальником полиции и передать письмо от партизан. Бывший чекист, перешедший на службу к врагу, в какой-то мере был обескуражен смелостью и невозмутимостью партизанки, но это еще были "семечки" - в письме говорилось - "Если вы расстреляете нашу партизанку, мы расстреляем 16 твоих родственников, взятых нами в заложники".

И начальник полиции передал все требуемые сведения.

Партизанская связная вернулась в отряд целой и невредимой.

А если бы такого не случилось, уж поверьте, партизаны бы свое слово сдержали.

И таких "неординарных случаев" в моей памяти многие десятки.

Случаев, произошедших у меня на глазах, так и упомянутых в архивных документах, которые, мне довелось увидеть лично, во время моей многолетней работы в архивах партизанского движения. Но стоит ли все это, вместе с настоящими фамилиями, выносить на божий свет и на людской суд? ...

Это вопрос очень непростой...

Г.К. - Что происходило с Вами после соединения отряда имени Пожарского с частями Красной Армии?

Л.Б. - Всем уцелевшим в боях на плацдарме партизанам была объявлена благодарность командующего 53-й Армией генерала Константина Аполлоновича Коротеева, и нас вывели во второй эшелон. Часть партизан была направлена на проверку, часть передана в распоряжение полевых военкоматов, а тридцать шесть партизанских командиров, во главе с Горячим и Жилиным, отзывались в штаб фронта, для получения назначений для прохождения дальнейшей службы.

Все мы терялись в догадках, что это за служба? Где мы ее будем проходить?

В Золотоноше, в отделе кадров штаба армии, составили списки прибывших партизан, прикрепили к офицерской столовой и сказали - ждите.

А потом, последовало следующее распоряжение - написать подробный отчет обо всех пятидесяти боевых операциях отряда. И позже, после прощания с генералом Коротеевым, нас, через Харьков, отправили в Мелитополь, в Штаб партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта.

Здесь нас встретил представитель ШПД полковник Метелев, и начальник оперативного отдела полковник Перекальский.

И снова мы писали отчет, обобщая боевой опыт отряда в немецком тылу и во время взаимодействия с частями регулярной армии.

Нас наградили орденами и медалями "Партизану ВОВ", и после - стали решать о нашей дальнейшей судьбе.

Меня вызвали к полковнику Метелеву и предложили возглавить новый партизанский отряд, с тем же наименованием - имени Пожарского, и продолжить работу в немецком тылу. Спросили, кого я хочу взять с собой в немецкий тыл.

Я ответил, что командирами рот хотел бы взять Царенко, Имаса, Данильченко, и, конечно, в свой штаб беру Кабаченко и Похилько, разведчика Кучерова.

Сказали, что у меня будет две рации. Я ответил, что возьму с собой нашего радиста Гузанова. Врачом отряда по моей просьбе назначили Леонида Ревенко. Прекрасный хирург, и к слову, человек необычайной физической силы.

А с остальными партизанскими командирами происходило следующее.

Нашего командира Дмитрия Филимоновича Горячего уже с нами не было, у него открылись старые раны, и его отправили в тыловой госпиталь.

Комиссара Жилина послали в тыл на советскую работу.

Иван Гаджиенко вместе с десятью партизанами был направлен на организацию партизанского движения в Молдавию.

Двенадцать человек были направлены в Красную Армию.

Зимой 1944 года, на двух самолетах, вместе с представителями будущего кабинета министров Советской Молдавии, мы должны были высадиться парашютным десантом в Бессарабии. В воздухе, в районе Раздельная, самолеты начали обледеневать. Летчик ведущего экипажа сообщил мне это неприятную новость.

Я обратился к старшему группы "министров", к Цуркану (будущему министру пищевой промышленности республики) - "Выбирай, или прыгаем сейчас прямо на равнину, или возвращаемся, до лесов не дотянем в любом случае.

Только решай немедленно, время на раздумья нет".

А внизу, по равнине идут немецкие колонны.

И Цуркан решил вернуть группы на аэродром.

По приземлении, мою группу - отрямени Пожарского, отделили от "молдаван" и мы получили другую задачу - высадиться в Польше.

Г.К. - Как происходила подготовка партизан - десантников?

Л.Б. - Давайте на сегодня остановимся. С самого утра с вами сиди, уже который час. Продолжим в следующий раз.

Г.К. - С огромным удовольствием. И еще раз, спасибо Вам, что уделите время для нашего сайта.

Вторая часть интервью

Г.К. - Леонид Ефимович, за время прошедшее с нашей последней встречи, в Вашей жизни произошло знаменательное событие. Правительство Украины наградило Вас, за Ваши беспримерные подвиги и личное мужество в годы ВОВ, высшей военной наградой Украины орденом "За мужество" 1-ой степени, и в связи с этим, примите мои сердечные поздравления.

Л.Б. - Благодарю вас. На чем мы в прошлый раз остановились?

Г.К. - Подготовка Вашей группы к заброске во вражеский тыл, после того, как была отменена высадка в оккупированной немцами Молдавии. Расскажите подробно о подготовке группы. Насколько я понимаю, никто из будущих "польских" диверсантов ранее с парашютом не прыгал.

Л.Б. - В начале мая 1944 года наша группа находилась в маленьком украинском городе Славута, где обосновался штаб партизанского движения 1-го УФ. Мы готовились к заброске в немецкий тыл, но по городку передвигались свободно. Комендант города ГСС капитан Войнов дал приказ своим патрулям: подчиненных штаба партизанского движения не трогать, несмотря на то, что мы, партизаны - диверсанты, ходили по Славуте с оружием, в гражданской одежде, щеголяли в трофейных сапогах. Готовились к заданию, совершенствовали свое умение в минно-подрывном деле, в стрелковой подготовке, занимались ориентированием и парашютной подготовкой. Выполняли марш-броски.

До последнего момента мы не знали, куда нас забросят, но за три дня от отправки в немецкий тыл меня вызвали к начальнику штаба. Он поставил задачу - "Так вот, лейтенант, решено... Полетишь на Западную Украину, но не исключено, что придется действовать и в Польше. Направление главного удара нашего фронта - Западная Украина, Чехословакия и Польша. Место высадки твоей десантной группы - горно-лесистый массив в Восточных Карпатах, но точной информации о вашем районе приземления мы пока не имеем. Твоя задача, лейтенант, - оказание помощи местным партизанским отрядам, детальная разведка указанного района, и, как результат, - удар по железным дорогам на участках Перемышль - Львов - Борислав... Я получил топографические карты определенных областей Западной Украины и Восточной Польши, и у меня оставалось еще два дня, чтобы ознакомиться с местом нашей будущей диверсионной "работы".

Г.К. - Состав диверсионной группы менялся во время подготовки?

Л.Б. - Нет, в мою группу входили именно те люди, которых я отобрал к себе еще зимой. Мы только знали, что в нашу группу будет включен еще один радист. Но кто именно - было для нас тайной за семью печатями. И вдруг прибывает в группу красивая девушка и докладывает мне - "Товарищ командир отряда! Радистка Лунева для прохождения дальнейшей службы прибыла в ваше распоряжение!". Так состоялась наша первая встреча с Шурой Луневой, и длится это знакомство уже шестьдесят четыре года. Александра Давыдовна Лунева, моя верная боевая подруга, в 1946 году стала моей женой, так что, семья наша - "чисто партизанско-диверсантская".

Г.К. - Появление первой девушки в группе как-то отразилось на поведении личного состава?

Л.Б. - Конечно. Партизаны внешне подтянулись, старались выглядеть молодцевато, их речь стала в значительно большей степени соответствовать нормам литературного русского языка. Некоторые очень заметно пытались привлечь к себе внимание Шуры, но безуспешно, она была одинаково приветлива со всеми, не давая никакого повода для кривотолков. Во время боевой и десантной подготовки группы, Шура внешне держалась не хуже других, и во время прыжка в тыл врага ни один мускул не дрогнул на ее лице. Наши отношения с Шурой были строго официальные, я не мог на войне себе позволить хоть какого-то внешнего проявления чувств и симпатий, мне приходилось следить за репутацией командира, которая должна быть безукоризненной. Но кончилась война, сначала я навещал Шуру в госпитале, потом она меня, и мы решили пожениться. И по сей день идем вместе по жизни, рука об руку.

Г.К. - Чтобы попасть "на работу" в тыл врага, диверсанты должны быть готовы совершить ночной парашютный прыжок со всем оружием и снаряжением. Как Ваша группа готовилась к десантированию? Как происходила сама заброска за линию фронта?

Л.Б. - К нам был прикреплен специально подготовленный офицер-десантник, инструктор по ПДП. Сначала, еще на земле, мы отрабатывали такие элементы прыжка, как посадка в самолет, отделение от самолета, действия парашютиста в воздухе (осмотр купола, развороты, ориентирование, приземление на лесные и другие преграды, действия при внештатных ситуациях). Принималась во внимание и основная проблема десантных групп: сбор в районе приземления, и, кучность высадки. Тут многое зависит от временного промежутка, с которым парашютисты покидают самолет. В идеале, все должны отделяться от самолета как "сиамские близнецы", вплотную, один за другим, но одно дело - теория, другое - практика. Нам пришлось немало попотеть, пока мы добились нужного результата, чтобы десантники покидали самолет практически без перерыва, "в обнимку". И когда группа выполнила боевой прыжок, то все десантники собрались вместе за 30 минут, результат доселе невиданный. Во время прохождения предпрыжковой практики мы учились как, в кромешной мгле, сразу после приземления, начать движение на точку сбора группы в правильном направлении, - для этого использовался ориентир на ночном небе - луна, в какой стороне она должна находиться в момент приземления и при движении на место встречи десантников. Прыгали с парашютом ПД-41, который имел площадь купола 70 кв. метров. Его стропы специальным крючком затягивались в "соты", пришитые ко дну ранца, который затем "упаковывался" его клапанами и перехватывался специальными резинками. Все это "сооружение" фиксировалось тремя металлическими шпильками, которые вплетались в тросик вытяжного фала. Ну, и самое главное - человеческий фактор. Не каждый человек способен решиться на прыжок. Я никак не мог предположить, что один из моих партизан, человек могучего телосложения, незадолго до посадки в самолет, заявит, что он, мол, не полетит, так как - боится прыгать. Но это как раз тот случай, когда приходилось действовать жестко. Я предупредил этого партизана, что обратной дороги нет - или он летит в тыл врага, или идет под военный трибунал, где ему обеспечено девять граммов свинца. Третьего не дано. Инцидент был исчерпан. Кстати говоря, за все время боевых действий в тылу противника этот партизан показал себя решительным, смелым человеком, претензий к нему не было. Перед самой заброской мы получили все снаряжение: два новых ручных пулемета, автоматы, карабины с насадками для бесшумной стрельбы, взрывчатку, две портативные радиостанции с запасом питания, различные мины, сухой паек. Затем мы выбрали себе немецкое обмундирование, вся группа переделалась в хорошо пригнанные по росту мундиры, с крестами и нашивками. Прибыли на аэродром. Инструктор ПДП подогнал наше снаряжение, и сразу все десантники стали малоподвижными, неуклюжими: парашют, вещевой мешок...

Уже перед посадкой в самолет, к группе подошел представитель штаба ПД 1-гоУФ майор Суворов, провел последний инструктаж, передал последние задания члена Военного Совета, выдал мне комплект карт, схему радиосвязи, переговорные таблицы и коды, потом вскрыл секретный пакет и зачитал окончательный текст боевого задания - десантирование в район города Перемышль. Суворов покосился на гитару, которую Иван Царенко тащил с собой в немецкий тыл, но спросил о другом - Вопросы есть? - Нет! - Помните: основное - удар по железным дорогам. Удачи вам. Возвращайтесь живыми!..

Г.К. - Насколько я знаю, Вашу группу летчики сбросили за 400 километров от линии фронта, но в совершенно другой район, вместо Перемышля?

Л.Б. - Нас забрасывал опытный экипаж капитана Филонова, но при перелете линии фронта, над Бродами, самолет попал под огонь зенитных орудий в свете лучей прожекторов, и Филонову, ослепленному лучами, пришлось уходить от огня с набором высоты, и здесь, видимо, штурман совершил при расчете ошибку, самолет отклонился от намеченного маршрута. Смерть бродила рядом, но багровые "кляксы" разрывов зенитных снарядов и лучи

прожекторов остались в стороне. Мы молча сидели, плотно прижавшись друг к другу. Прошло еще время, и загорелась сигнальная лампочка - "Приготовиться!". Все встали в затылок друг другу, так, что каждый последующий страховал впереди стоящего. Филонов открыл бортовую дверь, в кабину ворвался ветер. Команда - "Пошел!". Я прыгнул первым. И когда повис на стропах парашюта, то осмотрелся: в небе девять куполов. Летим все вместе, плотно - и это отлично. Земля стремительно приближалась...

Г.К. - С момента приземления что происходило с группой в ночь высадки?

Л.Б. - Приземлился, подал фонариком сигналы летчикам на выброску груза. Филонов сбросил грузовые мешки, и один из них упал на опушку леса. По азимуту определил, где его искать. Два других грузовых мешка заметить не удалось, еще подумал - "Теперь побегаем, пока их найдем". Приземлились на мокрый луг, стали собираться.

Десантная группа перед вылетом на зада

Собрались все, кроме доктора. К тому же, во время приземления случилось настоящее несчастье - Гузанов вывихнул ногу, и не мог самостоятельно идти... Вы сами понимаете, что это значит для диверсанта... Начальник разведки Кучеров спросил, кто видел грузовые мешки. Имас и Данильченко утверждали, что ветер отнес их в сторону, и они упали возле деревни. На опушке отыскивали мешок с оружием, а два других - словно сквозь землю провалились. Прозрачная дымка тумана поползла к лесу, небо быстро светлело. Осмотрелись. За лугом - огороды. Чуть дальше - небольшое село. Кучеров, Имас и Похилько, которые пошли искать врача Ревенку, вернулись ни с чем. Начальник штаба Иван Кабаченко рассматривал карту, надеясь получить ответ на мучивший всех вопрос: где же мы находимся? - но карта не давала ясного ответа. Но у нас уже был "язык". Шура Лунева, когда выпрыгивала с самолета, чуть не упала на купол комиссарского парашюта, она соскользнула по полотнищу, и в этот момент сработал ее парашют. Вскоре радистка мягко опустилась на землю, и когда она потянула стропы, пытаясь погасить купол парашюта, то ощутила, что под полотнищем кто-то барахтается. Она негромко подозвала комиссара, приземлившегося рядом. К удивлению десантников, под куполом оказался перепуганный местный житель, который полем возвращался ночью домой. И надо же было такому случиться, чтобы траектория снижения парашюта радистки Шуры Луневой и путь домой польского крестьянина из села Дыдня пересеклись в одной точке. Но нет худа без добра. Встреченный нами крестьянин оказался для нас единственным источником информации. Незнакомец, местный житель, с испуганным лицом стоял рядом с Имасом, он с трудом понимал, куда и к кому он попал, ошеломленный "приветом с неба". Имас спросил его по-немецки - "Ты кто?" - "Я поляк из громады Дыдня... Немцев у нас нет..". - словно очнувшись заговорил незнакомец по-польски. "Ты поляк?" - "Да панове, я поляк, моя фамилия Индык!".

Имас сказал Похилько - "Комиссар, мы в Польше. Вы у нас специалист по этим краям, вам и все козыри в руки". Филипп Петрович достал из вещмешка разговорник и задал Индыку еще несколько вопросов. Мы "привязались" по карте к Дыдне, и "карта заговорила". Мы были в юго-восточной части Польши, в Бещадах, в горном лесистом районе - Восточные Бескиды, где находятся самые высокие вершины в этой горной гряде: Терница и Галич. У подножья этих вершин раскинулся городишко Санок.

Я сложил карту. Теперь стало ясно, что мы приземлились в восьмидесяти километрах от предполагаемого места высадки. Такое расстояние с грузом, тренированные люди могли пройти за три-четыре ночи. Но два грузовых парашютных мешка исчезли, врача нет, а радист вывихнул ногу. Это осложняло нашу задачу. А пока, тихо передвигаясь, мы вошли в лес. Имас и Похилько продолжали поиски врача и грузовых мешков, и вели разведку. Светало. Имас насвистывая условный сигнал, услышал, как вдруг где-то хрустнули ветки. В ответ тихий осторожный свист. Раздвинули хвою и увидели Леонида Ревенко. Наш врач прыгал с парашютом впервые. Он основательно затянул на себе ремни, парашютные лямки и это привело к конфузу. Раскрывшийся парашют так потрянул доктора, что его вещмешок, автомат и медицинская сумка полетели в разные стороны. Воздушный поток подхватил Леонида и отнес его на километр от места приземления группы. Ревенко неудачно приземлился, и от страшной боли при ударе о землю потерял сознание, и только утром пришел в себя. "Как же это так получилось, ребята?" - недоумевал наш врач - "Я и ноги поджал, и на стропах подтянулся, и вот на тебе!".

Приземлившись в тылу вага, парашютисты- диверсанты всегда старались уйти подальше от места высадки, этого требовала тактика диверсантов, проверенная в боях. Похилько посмотрел на часы - "Пятый час, до полного рассвета еще час-полтора. Успеем пройти километров пять-семь". Ревенко смастерил для Гузанова самодельные костыли - "Ну как?" - "Надежно". А в это время Иван Царенко задержал в лесу польских парней. Они сказали, что возвращаются из Дыдни, и видели, как один из парашютных мешков упал возле крайнего дома деревни, а второй проломил черепичную крышу соседнего дома. Значит, враг уже знает о десанте. Будут искать, или уже ищут нас... Комиссар сказал - "Пожалуй, нас будут искать где угодно, но только не рядом с деревней, где мы приземлились. Немцы знают нашу тактику - поскорее перебраться подальше от района высадки". И мы решили остаться в лесу, пошли на смертельный риск, внося в нашу тактику новый прием. Замаскировались, заняли круговую оборону. Внимательно следили за деревней. Крестьянина мы пока не отпускали. Вскоре в село приехали примерно около трехсот немцев и полицаев. Но в лес они не сунулись, только обстреляли его, и покинули деревню. Позже мы узнали от местных причины нерешительности немцев. Оказывается, что поляки рассказали немцам, что видели в небе не один самолет, а больше двух десятков, и что парашютисты сыпались с неба с пулеметами и пушками, а кто-то из местных "фантазеров" даже додумался сказать, что видел, как в лесу горели фары не то автомобилей, не то танкеток, видимо, сброшенных с самолетов. Крестьяне умышленно преувеличивали численность десанта, выражая этим то, о чем долгое время мечтали, чего ждали. Сообщение жителей напугало немцев, ведь этот уголок Польши они считали глубоким тылом и чувствовали себя здесь совершенно спокойно. Мы выждали еще несколько часов, из уцелевшего грузового мешка взяли батареи для радиостанций, все остальное закопали в землю - и двинулись в путь. Пройдя километров двадцать, остановились в густом лесу. Анатолий Гузанов расчехлил рацию, положил руку на черный ключ передатчика, радистка Шура забросила антенну на дерево. Все волновались, сработает ли рация?., а вдруг осечка?, и тогда отряд останется без связи. Гузанов перевел стрелку лимба к своей волне и оглянулся, вся группа соблась возле рации, казалось, что никто не дышал, напряжение был велико. А вдруг наш сигнал не будет принят там, на Большой земле, что тогда? В Центр понеслось сообщение - "Находимся в двадцати километрах севернее города Санок", и радист перешел на прием. Мы обрадовались, Центр нас услышал, был получен приказ на начало действий, мы уже были "прописаны" на Большой земле. Немцы, получив сообщение о десанте, несомненно, уже следили за эфиром и могли быстро засечь местонахождение радиостанции. Поэтому, очередной радиосеанс должен был состояться в такое же время, через двое суток.

Г.К. - Выход на связь Вашей группы был воспринят в Центре как большой успех?

Л.Б. - Несомненно... Вы просто плохо представляете, что тогда означала удачная заброска диверсионной организаторской группы на территорию Польши или на Западную Украину.

Прямо перед нами в немецкий тыл были десантированы четыре группы парашютистов-диверсантов. Ни одна из них на связь не вышла, все группы погибли сразу после выброски. И как только мы провели первый сеанс связи с Центром, весь Штаб партизанского движения при 1-м УФ сразу представил себя к орденам, за успешное выполнение поставленной задачи. А нам, диверсантам, свои ордена еще предстояло заработать.

Г.К. - Такой высокий процент потерь при высадке диверсионных групп - 80% был "заранее запланирован" в штабе?

Л.Б. - Если речь шла о парашютной заброске - то, наверное... да... Конечно, надеялись на лучшие результаты, но статистика потерь была кровавой и неумолимой. Гораздо меньше потерь несли диверсионные группы, проникавшие в тыл врага наземным путем, хотя пройти до намеченного района действия, целой группой, по немецким тылам, 200-300 километров и остаться в живых - это тоже редкое везение.

А тех, кто прыгал с парашютом в тыл противника, заранее не хоронили, но знали, что если группу десантников сразу обнаружат после высадки и начнется преследование, то уцелеет только самая малая часть от состава группы. Но тут еще многое зависело от предстоящего района деятельности. Тех диверсантов, кого забрасывали на Западную Украину и в Белоруссию в 1941 году, к концу войны в живых осталось меньше пяти процентов... Одно дело, когда группа сброшена с парашютами в 1943 году под Смоленск или в минских лесах, или, скажем, высажена на действующий партизанский аэродром в относительно "свободной" от немцев Словакии в конце войны - то тут шансов выжить на первом этапе у десантников было немало. Но совсем другое дело, если приходилось высаживаться в 1944 году, летом, в Западной Польше, или, весной того же года на Западной Украине. Или в таком гиблом месте как Восточная Пруссия, где диверсантам не приходилось ждать какой-либо поддержки от местного населения. В 1944 году в Пруссию десантировали с воздуха или отправили по суше больше 100 групп для проведения глубинной разведки и диверсий. Все эти группы были направлены по линии Разведуправления Фронта, ГРУ, и Наркомата ГБ. Знаете, сколько бойцов из состава этих групп выжило за несколько месяцев деятельности или, спасаясь от преследования, уже вскоре после заброски, вышло назад к своим? Меньше семи процентов... А в эти группы набирались самые смелые и толковые ребята, с большим опытом партизанской войны и предыдущими забросками в немецкий тыл... Большинство архивных документов, рассказывающих о потерях и судьбах диверсионных групп в немецком тылу, еще пылятся где-то в ящиках. Может когда-нибудь эти документы увидят свет, и многое станет ясным... Определенная достоверная информация был в спецкурсе лекций о партизанской войне для слушателей Академии ГШ, там, кстати, эти данные по диверсантам, заброшенным в Пруссию, и были приведены. А то встретил случайно в поезде бывший диверсант Евгений Березняк московского писателя Юлиана Семенова, рассказал ему по дороге в купе о том и о сем, и сразу готова книга "Майор Вихрь", и все в Союзе узнают, кто лично спас польский город Краков от разрушения, а вскоре и кинофильм по книге мастерят. Проходит еще тридцать лет, и в газетах пишут черным по белому, что Краков спас от разрушения разведчик Алексей Ботян со своей группой.

Ждем третьего... А в архивах ведь все точно и подробно отображено..., и давно пора их полностью открыть, поскольку, как мне кажется, следующему поколению история ВОВ будет уже малоинтересна... Слишком далеко по времени уйдет от них прошедшая война...

Г.К. - А как происходили первые контакты с польским населением? Все же Польша это чужое государство, другой язык, обычаи, традиции, культура и религия.

Л.Б. - Мы уважительно относились к полякам и, налаживая с ними контакты, принимали во внимание все особенности польской ментальности и местного уклада жизни. Расскажу, как, например, прошла одна из первых встреч с местным населением в селе Лишня. Вчетвером: я,

Кабаченко, Кучеров и Данильченко вошли в село с наступлением темноты. Остальные блокировали дорогу. Мы бесшумно перемахнули через ограду и приблизились к большому дому, над входом в который висела вывеска " Пивной дом. Пивная Ф. Пастушак". Данильченко и Кучеров остались у крыльца, а я и Кабаченко зашли внутрь в большую комнату с низким закопченным потолком. В комнате накурено, "дым коромыслом", запахи хлеба, пива, жареного мяса. Сели за стол у самых дверей. Все посетители пивной сосредоточенно на нас стали смотреть. Подошел хозяин, высокий дородный поляк в жилетке и белой рубашке с засученными рукавами - Что прикажут пань? - спросил он. Мы ему говорим по-русски - Есть хотим. На дорогу сообрази хлеба и мяса. Заплатим... Мы стали неторопливо кушать. Хозяин не выдержал и спросил, подыскивая русские слова - Кто вы будете, панове? - Мы из Советского Союза- А я опасался, что вы бандеровцы или казаки - Нет, хозяин, мы русские десантники. В зале все заговорили сразу, лед отчуждения растаял, поляки с нескрываемой радостью смотрели на нас, один из них протянул нам руку для пожатия, и сказал - "Здравствуйте, братья!". Так мы познакомимся с замечательным человеком, Владиславом Риняком, он стал одним из первых поляков пришедших к нам в отряд. Риняк впоследствии погиб в бою в конце 1944 года в Чехословакии. А ресторанчик-пивная Франтишека Пастушака в последующем оказался очень удобным местом для сбора различной информации и для встреч с завербованными агентами.

Г.К. - За почти пять месяцев боевой деятельности на польской земле Вашим отрядом было проведено свыше 140 диверсионных операций. А с чего все начиналось? Как было выполнено первое боевое задание?

Л.Б. - На задание пошли опытные подрывники Царенко, Имас, Кабаченко. Они заложили несколько мин на узком повороте железной дороги Санок-Перемышль, там, где труднее всего расчистить путь. Первый состав полетел с насыпи под откос. Но подрывники остались на месте, продолжили наблюдение. На рассвете к подорванному составу прибыл со станции Санок ремонтно-восстановительный поезд, и большая группа немецкого начальства. Они осмотрели результаты крушения, долго что-то обсуждали. А затем на железнодорожном полотне закипела работа, и когда путь был починен и расчищен, немцы сразу пустили по нему эшелон с боевой техникой. И тогда мои ребята привели в действие вторую заложенную мину. Новый взрыв ошеломил немцев, восемь платформ полетело под откос. Движение эшелонов на этом участке снова прекратилось.

Г.К. - А как складывались отношения с польскими партизанами? В Польше воевали отряды всех "мастей" - партизаны Армии Крайовой, просоветские отряды Армии Людовой, подчиненные Польской Рабочей партии, отряды крестьянской организации "Батальоны Хлопски", украинские подразделения ОУН-УПА, еврейские партизанские отряды, в лесах также находились советские партизанские отряды из беглых военнопленных, и даже отдельные самостоятельные группы из "власовцев" и легионеров-нацменов, дезертировавших в леса из коллаборационистских частей. Как действовали советские десантники в таком, не всегда дружеском "окружении"?

Л.Б. - Начнем с того, что в районе Бескид партизан в лесах было очень мало, а те отряды, с которыми нам пришлось иметь дело - особой активности не проявляли. Мы сразу дали понять, что за нами сила, и что никто из тех, кто посмеет сделать хоть какой-либо агрессивный выпад в сторону нашего отряда, не уйдет от возмездия. Да, нас высадилось всего 10 человек, но уже через месяц в отряде было двести вооруженных бойцов, снабжаемых оружием и боеприпасами с самолетов из Москвы.

Мы с поляками вели себя корректно, не было ни единого случая явного произвола или наглого мародерства, за каждый кусок хлеба мы платили деньгами, которые нам доставили самолетом с Большой земли. Кроме того, наш отряд назывался "диверсионно-организаторский", и разворачивание масштабных партизанских действий с привлечением

местных людских резервов и созданием новых отрядов - было частью наших обязанностей в немецком тылу. Несколько мелким польским партизанским группам мы помогли оружием и патронами. Одному отряду отдали почти все наши медикаменты и два ящика патронов. Поляки-подпольщики и партизаны сами приходили к нам с обращением о помощи. Вот типичный пример. Недалеко от города Санок в селе Быковцы находился фольварк, в котором комендант города Клаус Шверин создал себе комфортабельное имение. Просторное каменное здание, к которому примыкали добротные конюшни, сараи, хранилища для зерна, сена и картофеля. Мы решили захватить это имение с целью пополнить запасы продовольствия, ведь надо было кормить свыше двухсот человек в отряде. Изучили подступы к селу, составили план захвата, отобрали в ударную группу десять человек, и людей в группу прикрытия. В субботу вечером, с наступлением сумерек, пошли к фольварку, в котором находилось двадцать немецких солдат. Данильченко бесшумно снял часового у ворот, Кучеров и Георгадзе "прихватили" второго охранника, прогуливавшегося по двору. Зашли во флигель, где "отдыхали в обнимку со шнапсом и бимбером" остальные немцы - "Руки верх" - по-немецки скомандовал Миша Имас - "Фольварк окружен партизанами. Кто окажет сопротивление - застрелим на месте!". Партизаны забрали у офицеров документы, мундиры и оружие. Из кладовых выносили во двор сало, муку, масло, крупу, мясные туши, грузили подводы хлебом и мукой. Андрей Кучеров распорядился погрузкой, в конюшне выбрал для отряда лучших красавцев - жеребцов. Потом позвали местных жителей и сказали им, что они могут разобрать все зерно. Партизаны уже были готовы двинуться в обратный путь, как к Кучерову подошли два пожилых поляка и заговорили на русском языке - "Пан командир, мы из местного звена "Батальона Хлопского". Мы нуждаемся в оружии, но особенно нам нужна взрывчатка". Мы их просьбу не оставили без внимания. Но те из местных партизан, кто занимался "махновщиной", грабежами и убийствами, вскоре узнали и на своем горьком опыте убедились, что русские десантники всем головы поотрывают, без каких либо сантиментов и долгих распросов. Ведь там чего только не происходило... Я просто очень многое не хочу рассказывать...

И даже в советских польских отрядах иногда такое случалось, что хоть стреляйся... Пришел к нам в лес в гости командир польского отряда Куницкий, находившийся в подчинении ПРП: Советский отряд, одним словом, коммунистический. Сидим с ним, беседуем. Подходит ко мне мой начштаба Кабаченко и докладывает, что партизаны Куницкого захватили где-то 20 евреев и ведут их на расстрел. Я сказал Кабаченко, чтобы он немедленно остановил этот произвол: выяснил обстоятельства произошедшего, освободил захваченных евреев, а всех этих, "горе-партизан", приказал разоружить и связать. Говорю Куницкому - "Пошли дорогой товарищ, посмотрим, что твои "герои" учудили". Оказывается, что партизаны Куницкого схватили группу венгерских евреев, бежавших из гетто и уходящих на север. Эти партизаны отобрали у евреев все ценное и повели их на расстрел. Благо, происходящее заметил Кабаченко и прекратил это зверство. Я приказал выдать евреям оружие, боеприпасы и продовольствие, чтобы дать им чувство уверенности в себе и в способности защитить себя. Куницкий пообещал, что своих партизан он сурово накажет сам, а инициаторов расстрела лично "отправит на тот свет без пересадки". Я согласился, решил, что пусть сам Куницкий "свои кадры воспитывает". И вскоре об этом эпизоде узнали по всей округе, во всех отрядах и партизанских группах, разного толка и политической ориентации. Или вот вам еще пример. Отряды националистов окружили город Болеград, в котором также находилась большая группа евреев, скрывавшихся от депортации в лагеря уничтожения. В городе началась паника. Евреев перед расстрелом закрыли под охраной в одном из зданий. Это было, когда мы уже шли рейдом к Чехословакии, и в принципе, моему отряду не разрешалось вступать в бой, поскольку задача была поставлена на совершенно скрытную передислокацию. Но, услышав доклад своих разведчиков, я вспомнил, как в оккупированной Смеле немцы гнали мимо меня колонны евреев на расстрел, а я ничем не мог помочь своим соплеменникам. Второй раз пережить такую боль - я не хотел. Основные силы отряда находились на марше, и я решил проникнуть в город с небольшой группой бойцов. Мы без шума вырезали всю охрану, каждому взрослому еврею дали оружие, патроны, и помогли им вступить в бой с

националистами, которые, встретив серьезный отпор, вышли из города и сняли с него блокаду. Но в своей подавляющей массе поляки относились к нам, к советским десантникам, с большим уважением, принимали нас как верных союзников, помогали продуктами, информировали о карателях. Наши диверсанты не только делились с поляками оружием, но и обучали их минному делу. Наши радисты регулярно принимали сводки Информбюро, а Владислав Риняк переводил эти сообщения на польский язык. На пишущей машинке он печатал маленькие листовки, которые потом распространялись по окрестным селам.

Г.К. - Как пополнялся Ваш отряд?

Л.Б. - С самолетов с Большой земли нам сбрасывали на парашютах подготовленных подрывников. Почти ежедневно в отряд приходили беглые военнопленные и местные поляки, симпатизирующие коммунистам. Приходили и "власовцы", бежавшие к нам из ост-батальонов, и их тоже, иногда, принимали в отряд. Но окончательно в отряд людей зачисляли только после проверки. Новичкам могли дать персональное задание, людей проверяли в рискованных операциях, где смерть ходила совсем рядом, а смелость или трусость проявлялись мгновенно. Бежавшие из концлагерей сами обращались ко мне с просьбой немедленно послать их на боевое задание, они говорили - "Мы пережили позор плена, у нас особый счет к фашистам. Командир, дай нам возможность отомстить за наше горе, за смерть наших товарищей!"...Я лично предпочитал набирать к себе людей из лагерей военнопленных. Первый раз мы захватили небольшой лагерь в котором находились пленные красноармейцы, пригнанные на строительство оборонительного вала на реке Сан. Имас в мундире немецкого офицера и в сопровождении двух поляков с нарукавными повязками полицейских производил "съемку" района, где работали военнопленные на строительстве укреплений. Он интуитивно подобрал надежного человека, немолодого плечистого седого мужчину. Подозвал его к себе. Тот доложил - "Герр офицер, по вашему приказанию явился". Имас спросил его по-русски - "Кто такой? Когда и где попал в плен?". Пленный, сначала растерялся, потом опомнился и ответил - "Сержант Алексей Серов, в плен попал раненым в октябре 1943 года". Имас сделал паузу, и сказал - "Вот что, Алексей, я не немец и не "власовец". Перед тобой советский парашютист. Ты не волнуйся, я не провокатор. Подбери надежных людей, и будьте готовы. Сегодня вечером мы нападём на вашу колонну, когда вы будете возвращаться в лагерь. Если поможете без лишнего шума убрать охрану, мы всех примем к себе в отряд". Вечером так и сделали. В лагере забеспокоились, почему колонна так долго не возвращается, послали фельдфебеля на мотоцикле на поиски. Он увидел колонну, лихо подъехал к конвоирам, но это уже были наши люди переодетые в немецкую форму. Фельдфебеля схватили и тихо прикончили. Его китель одел Данильченко, сел за руль, а в коляске разместился Имас ручным пулеметом. Они подъехали к лагерным воротам, но часовой что-то заподозрил - уезжал фельдфебель один, а в мотоцикле возвращаются двое. У проходной стояло еще человек десять немцев, лениво курили после ужина. И когда Имас увидел, что часовой, уже открывавший ворота, вдруг снова пытается их прикрыть, то ждать не стал, и дал из пулемета очередями по двум вышкам и по проходной. Данильченко стал кидать гранаты, к делу подключились другие наши бойцы, и лагерь был захвачен почти без сопротивления охраны. Освобожденные пленные красноармейцы бросились искать коменданта лагеря, изверга и истязателя, обер-лейтенанта Габлица, собственноручно убивавшего пленных, и обнаружили этого подонка на лагерной кухне, где он прятался в пустом котле. Коменданта расстреляли на месте. Мы взяли с собой в отряд всех желающих, а остальные предпочли самостоятельно уйти в леса. Об этой операции мы доложили по радиции в Центр, и уже на следующий день с самолета нам сбросили мешки с оружием для новых бойцов.

В отряде мы обучали этих людей ходить по азимуту, ориентироваться в лесу, и особенно - пользоваться всеми видами стрелкового оружия. За время плена многие из них утратили необходимые навыки бойца, да и лесная война разительно отличается от обычных боевых пехотных действий. Был еще подобный момент, что мы напали на лагерь "гордистов", с

целью пополнить свои ряды, но в этом лагере содержалось несколько тысяч человек, и всех желающих в отряд мы взять не смогли бы, и отбирали только людей требуемых нам военных специальностей : врачей, инженеров, знакомых с подрывным делом, и так далее. У нас был в этом лагере свой человек, заранее был готов список на семьдесят человек. И когда мы взяли этот лагерь, то отобранные нами люди, при свете луны, прямо на месте, принимали партизанскую присягу. А другим сказали - "Ворота лагеря открыты, оружие можете взять у убитой охраны. Хотите сражаться, уходите в леса. Мы вручаем вашу судьбу в ваши руки!". Кто такие "гордисты" и что за лагерь такой, спрашиваете?

Это был специальный лагерь, в который немцы отобрали несколько тысяч нацменов, примерно 5.000 бывших жителей Кавказа и Средней Азии, и которые, по немецкому замыслу, должны были заниматься административной и пропагандистской работой после захвата юга СССР и установления нацистского режима в республиках Закавказья и Средней Азии. Режим в этом лагере был более чем щадящий, здесь не помирили с голоду, но считать без разбора всех этих людей "власовцами" или "изменниками Родины" мы не могли. Они не принимали присягу врагу, пока еще не брали немецкое оружие в свои руки, и еще находились за колючей проволокой. Правда, колючая проволока была там "символической декорацией", в один ряд, и половина пленных расхаживала в старой немецкой армейской форме, но, тем не менее... И те из них, кто хотели активно сражаться против Советской власти, уже давно были в "восточных батальонах", карательных отрядах и в разного рода "легионах", или в школах абвера. А эти люди были только - "потенциальные немецкие пособники", склоненные к будущему сотрудничеству... И назвать их "чистыми" военнопленными красноармейцами - тоже было нельзя.

Г.К. - В Польше абвер и гестапо также пытались заслать свою агентуру в Ваш отряд?

Л.Б. - Конечно. И в Польше, и даже в Словакии, попытки заброса вражеской агентуры в наши партизанские ряды шли непрерывно. Но у нас была налажена сеть своих осведомителей, и я не думаю, что кто-то из немецких агентов что-то серьезное успел сделать. Мы создали свою систему агентурной разведки, и она приносила плоды...

Скажу вам следующее... Жизнь есть жизнь, и среди советских или польских граждан, волею судьбы оказавшихся на службе у гитлеровцев, было немало людей, ненавидящих фашистский режим, но растерявшихся в той сложной обстановке, и не знавших как себя вести, людей - интуитивно не принимавших "новый порядок". Были и патриоты, шедшие в услужение к немцам с сознательной целью навредить врагу. Шли по заданию подпольных организаций и по велению собственного сердца.

Расскажу об одном из таких людей. Владислав Риняк сообщил мне, что переводчик из уголовной полиции (Кримпо) города Санок по фамилии Шлензак, готов с нами сотрудничать. Шлензак прибыл к нам на переговоры. Высокий узкоплечий блондин. Глаза спокойные. Неплохо владеет русским языком. Сразу бросилось в глаза, что он курит дорогие сигареты, - значит, занимает в Кримпо видное положение. Шлензак начал разговор - "Пан командир, я поляк, работаю у немцев по заданию лондонского правительства, но вас считаю своими союзниками. Готов оказать вам всяческую помощь, через мои руки очень часто проходит ценная информация" .. Я усмехнулся - "Насколько мне известно, ваша Кримпо занимается ворами и уголовниками, а мы их деятельностью не интересуемся". Шлензак спокойно ответил - "Пан командир допускает неточность. Гестапо работает в тесном взаимодействии с Кримпо и жандармерией. В настоящее время все карательные органы сосредоточили свои усилия на уничтожение русского десанта и ваших партизан. Я буду откровенным. К вам из Краковской разведшколы направляется диверсант. Я точно знаю его приметы: рыжеволосый, со вставными зубами" - "Скажите, как к вам попала столь секретная информация?" - "В Краковской разведшколе действует мой осведомитель. Я еще раз свяжусь с ним, и возможно, он даст более точное описание вашего "гостя", а пока примите во

внимание то, что я сейчас сказал". Шлензак оказался полезным человеком. Он имел дружеские связи с сотрудником жандармерии Вильгельмом Крепсом, и нам становились известными некоторые меры, которые предпринимались против партизанских отрядов и польского подполья. И вскоре польские подпольщики привели ко мне военнопленного, бежавшего с танкоремонтного завода в Санок. Заходит мужчина, на вид - старше тридцати лет, одетый в старое советское обмундирование. Я взглянул на него... и мне стоило больших усилий сохранить спокойствие, пленный был рыжим. Он представился - "Лейтенант Красной Армии Огоньков Петр Петрович. Бежал из барака для ост-рабочих с танкоремонтного завода. Служил в пограничных войсках. В плену - с июля 1941 года, попал в окружение в Белоруссии". Он долго рассказывал о себе, очень волнуясь и часто повторяясь, внешне все выглядело так, что человек безмерно рад, что попал к своим после трех долгих лет страданий и лишений... Я еще подумал, как хорошо немцы свою агентуру готовят, все продумали. Но пока доказательств не имел, а расстрелять человека только за свет волос... он что, один рыжий на этом свете? Я немного поспрашивал лейтенанта о его довоенной службе, все рассказывает - "как по маслу", все - "в кассу". И тут Шлензак через Риняка сообщает, что агент из Кракова направлен на завод по ремонту танков в Санок, и для его заброски будет инсценирован побег восточных рабочих. А Огоньков в это время уже который день "сидел в обнимку" с нашими отрядными сапожниками, и, кстати, во многом превосходя их в мастерстве, приговаривая - "Меня, братцы, плен всему научил". Время шло. Пора было "колоть" его по-полной. Позвал его снова к себе. Вызванный Огоньков четко доложил - "Прибыл по вашему приказанию". Я ему - "Петр Петрович, садись, и расскажи мне снова свою биографию, но подробно". Он начал говорить, как в 1941 году служил на заставе.

Я его остановил - "Пограничник, значит... Я тоже здесь неподалеку войну на границе начинал. Врешь ты все, Огоньков. Агент ты немецкий!". Он несколько секунд молча сидел на скамье, потом усмехнулся и широко развел руками, мол, удивлен. Я продолжал - "Доказательства хочешь услышать? Их много! Мы запросили по радию, чтобы проверили фамилию твоего командира. Ты сказал, что шел из окружения с полковником Беловым? Так вот, слушай, полковник Белов, еще в мае сорок первого был переведен служить в Минск, и в окружении с тобой находиться не мог. Поехали дальше. Как ты, советский командир попал в трудовой лагерь? Офицеров немцы держат только в концлагерях для военнопленных"... И так далее. Немец оказался, настоящий абверовец, кадровый. Одним словом, шпиону мы вынесли смертный приговор... Но все равно, были агенты, которые успешно внедрялись в отряд, но нас спасало то, что таких быстро разоблачали, еще до того момента, когда могло случиться непоправимое. Хотите услышать, как мы их раскрывали? Как-то я увел группу на операцию в село, расположенное в шести километрах от Устрики-Дольны. Там мы должны были захватить немецкое хозяйство. Предварительная разведка установила, что гарнизон в селе небольшой, всего двадцать "тотальников", которые обеспечивают правку сельхозпродуктов на железнодорожную станцию. Мы полагали, что быстро выполним свою задачу и вернемся через два дня. Однако, пришлось задержаться. На подходе к Дашевке обнаружили, что в село заехало несколько грузовиков с солдатами, и это значительно усилило оборонительный потенциал гарнизона. Понаблюдали, и поняли, что солдаты оказались здесь проездом, и по всей вероятности скоро двинутся дальше. Но они остались в селе на ночь, и на следующий день, нам пришлось ждать до темноты, до вечера. Тактика захвата немецких имений у нас была разработана детально, и то, что произошло в Дашевке, не внесло в нее никаких изменений. Перебили гарнизон, навьючили лошадей продуктами, оставшееся на складах добро - сожгли, и благополучно вернулись в отряд. Сижу в штабе, рассказываю комиссару и начштаба, что произошло в Дашевке, спрашиваю - Что тут без меня нового произошло? - Ничего особенного - говорит Кабаченко - группы, которые мы с тобой согласовали, ушли на диверсии, вернуться должны только послезавтра. А... еще пополнение новое прибыло, я тут без тебя принял троих - Почему меня не дождался, что за спешка была? - Никакой спешки. Но тебя нет, а люди третий день на заставе. Не беспокойся, ребята хорошие, я с ними долго беседовал. Хлопец из-под Тернополя и два словацких солдата. - Как нас нашли? - Как все, несколько дней блуждали в лесу и наткнулись на нашу

заставу. - Обыскивали их ? - Конечно, словаки пришли с оружием, сдали беспрекословно, а у хлопца при себе ничего не было - Воротники прощупали? - Да, у всех пусто.- Где они сейчас? - Словаков взял Царенко, а хлопца зачислили во взвод Бакшеева...

Утром я начал обход лагеря. Пришел во взвод к старшему лейтенанту Николаю Петровичу Бакшееву, серьезному командиру. Среди его бойцов заметил молодого паренька, лет двадцати двух, чернявый, взлохмаченый, небритый. Я сразу понял, что это новичок, подсел к нему, спрашиваю - Давно у нас? - Второй день. -Документы какие-нибудь имеешь? - Никаких, я же бежал - и тут он достает из кармана потрепанную записную книжку - Вот все мои документы, хотел выбросить, да пожалел, все-таки бумага. - Ладно, позавтракаешь, зайди ко мне в штаб...

Я вернулся в штаб и попросил Кабаченко пересказать мне все, что этот хлопец сообщил о себе. Начштаба рассказал - житель Тернополя, бежал от мобилизации в УПА, не хотел служить у националистов. Слышал, что в Бещадах есть партизаны, и стал искать. В одном из сел встретил двух солдат- словаков, которые тоже искали партизанский отряд. Пошли они на поиски вместе и случайно набрали на заставу....

Появился этот хлопчик. Велел ему все рассказать о себе. Он рассказал, слово в слово, все, что раньше говорил Кабаченко. Я только дополнительно поинтересовался - А что, словаки, знали к нам дорогу? - Нет, товарищ командир, не знали. Несколько дней блукали и вот, слава Богу, нашли вас. - Ну ладно, возвращайся к своему взводу, мы с тобой потом еще побеседуем... Вызываю к себе словаков, предлагаю им рассказать, при каких обстоятельствах они встретились с этим парнем и как нашли нас. И с первых слов - несоответствие! Служили словаки в инженерном батальоне, строили оборону по берегу Сана. Кормили их плохо, и словацкие командиры, тайком от немецких офицеров, отпускали своих солдат в села, менять камни для зажигалок на продукты. У них и в мыслях не было уйти к партизанам, но вот встретили в лесу этого парня, и он их уговорил. Сказал, что хорошо знает, где расположен партизанский лагерь, и, действительно, через день привел прямо на заставу. Комиссар сказал словакам - "Если у вас нет желания быть партизанами, мы вас задерживать не будем. Можете вернуться в свой батальон". Словаки запротестовали, сказали, что хотят воевать вместе с русскими братьями против немцев, поработивших их родину... Стало понятно, что тернопольский хлопец - немецкий лазутчик, который прекрасно знает координаты нашего лагеря, и его задача выяснить только наши силы и вооружение. Прикрытие он себе выбрал великолепное, прийти втроем всегда лучше, чем одному, так скорее поверят в правдоподобность его версии. Снова зовем к себе "тернопольского". Он явился встревоженным, уже узнал, что мы говорили со словаками. Задали ему первый вопрос: - В каком селе ты встретил солдат? Он называет село в тридцати километрах от лагеря. - Сколько дней шли к нам ? -Точно не помню - три или четыре. - А где находится разведшкола, в которой тебя готовили к заброске?. Он испугался, сказал что никакой такой школы не знает, никто его не забрасывал, он сам хотел попасть к партизанам. И тут в допрос вмешался Кабаченко - Перестань врать! Скажешь правду - будешь жить, а не скажешь... Мы и так все про тебя уже знаем, выкручиваться не стоит. Одно только пока не выяснили: тебя в разведшколу завербовали из дивизии "Галичина" или сразу в абвере? Отвечай! Иван сказал это "на всякий случай", но видно, попал в точку. Доконал парня. У того подкосились ноги, он упал на колени и стал молить о пощаде...

Слева направо (нижний ряд) комиссар Ф. Похилько,
командир отряда Л. Бернштейн, заместитель командира М. Данильченко,
заместитель по диверсиям В. Павленко, радистка А. Лунева,
радист А. Гузанов; верхний ряд: командир разведроты М. Имас,
врач Л. Ревенко, начальник штаба отряда И. И. Кабаченко,
командир роты И. Царенко, заместитель командира по разведке А. Кучеров

Г.К. - А были моменты, что немцы пытались уничтожить ваш отряд полностью?

Л.Б. - У нас хорошо была поставлена разведка, и заставить себя врасплох мы бы карателям не позволили. Кроме того мы использовали "способ рейдирования", отряд не находился на одном месте больше пяти суток, мы постоянно перемещались. Выследить нас было не так просто. Обычно, наши группы все диверсии и боевые операции проводили на большом удалении от основной базы и после выполнения задания группы долго петляли. Но во время переходов диверсионная группа могла быть обнаружена и атакована немцами. У нас группа Данильченко пошла на разведку и на поиски площадки для приема груза и людей с самолета. Немцы их засекли, и Данильченко трое суток блуждал по лесам, пытаясь оторваться от преследователей. На рассвете четвертого дня, группа, соблюдая осторожность, подошла к небольшому хутору, партизаны забрались на чердак заброшенного сарая возле леса, и, измученные долгим переходом, стали отдыхать. Наш боец Георгадзе вовремя заметил, как сарай окружили двадцать полицаев, но атаковать с ходу они не решались, ждали подкрепления. И группе Данильченко пришлось идти на прорыв, забрасывая врагов гранатами. Прорвались, но двоих партизан потеряли...

Г.К. - Как обычно готовились к приему самолетов с Большой Земли?

Л.Б. - Тщательно выбиралось несколько площадок, выставлялось боевое охранение, велась разведка окрестностей. Мы сильно зависели от грузов из Центра. Старались избегать "курьезов" и неожиданностей, чтобы не получилось как во время нашей высадки: один грузовой мешок проломив крышу упал в дом, где праздновали сельскую свадьбу, а второй мешок - попал к немцам. Но случались "внештатные ситуации". Например, Иван Царенко, в семи километрах от города Устишки-Дольне и в десяти километрах от нашей отрядной

стоянки, нашел площадку для приема самолета. Выставили дозоры, заминировали дороги на подходах. В установленное время появился долгожданный самолет. И тут начался сильный ливень, ребята пытались зажечь сигнальные костры, и не могли этого сделать из-за ливня, моментально превратившего землю в болото. Летчики кружили над условленным местом, несколько раз включали свой прожектор, но сигнальных огней так и не было. Царенко догадался, какой выход можно найти в такой ситуации. Приказал бойцам снять сухие нательные рубашки. И партизаны подожгли ткань, держа рубахи в руках. Летчики увидели огонь на земле, согласно заранее установленной конфигурации костров. Самолет сбросил два грузовых мешка, а сразу за ними прыгнули два парашютиста. Это были: опытный минер - подрывник старшина Владимир Павленко, двадцатидвухлетний парень, и радист Дмитрий Платонов.

Они передали мне пакет, который я вскрыл и прочитал - "Вместе со специально подготовленными радистами, в отряд, под вашу персональную ответственность, направляются совершенно секретные мины. Их следует использовать для удара по объектам находящимся в районе Жешува".

Г.К. - Что за секретные мины?

Л.Б. - Мины ТОС - так они назывались. Они срабатывали только после команды, поданной радиопередающим устройством. О секретных минах знали только прибывшие к нам минеры, я, и комиссар отряда. Полученные мины тщательно охранялись. Во время перехода их везли на лошадях, завернув в парашютный шелк и брезент. Каждый ТОС ставился на боевой радиовзвод. На стоянках хорошо замаскировывали ТОСы на деревьях, и любая попытка снять эти мины без предварительного радиоразминирования - вызывала взрыв. Начинать мы работать с этими минами не без предосторожностей, постепенно накапливая опыт их применения. Тогда мы еще знали всех "повадок" этой новой мины. Я помню, как принимал решение - кого послать в первый раз на задание с этими ТОС-ами. Имас был слишком горяч, а Данильченко не "дружил с техникой".

Пошел Кабаченко, всегда хладнокровный в деле, с ним мы вместе на Украине не один немецкий состав рванули. Я сказал ему - "Ну, Ваня, тебе начинать: Иди старшим группы..." Разведчики "облюбовали" мост на перегоне железной дороги Кросценка-Старьевка, и ночью "заменили" на мосту полицейскую охрану. Владимир Павленко прикрепил к одной из опор радиоуправляемую мину. "Снятому" часовому приказали позвонить дежурному по караулу, и доложить, что все в порядке. Кабаченко с группой следил за мостом из укрытия. Сначала пропустили товарняк, потом состав с углем, и еще один - порожняк. Но все это было - не то... Потом проехали три немца на дрезине. Вдруг на середине моста немцы остановились, о чем-то переговорили, покурили, и, переставив дрезину, покатали назад. И вскоре появился эшелон с танками на платформах, накрытыми брезентом. У моста паровоз замедлил ход. Павленко досчитал до пяти и включил рацию, зажглась сигнальная зеленая лампочка. Рука на лимб, плавный поворот - стрелка указателя сместилась влево. И как только паровоз миновал мину, Павленко повернул лимб еще на одно деление. Раздался раскатистый грохот взрыва, метнулось ослепительным светом пламя под колесами головного вагона, задрожала земля, и... контуры моста скрылись в клубах бело-коричневого дыма и пыли. Мост какое-то мгновение еще держался на опорах, но вместе с эшеленом сорвало с быков и многотонную мостовую опору. Железо и камень, охваченные огнем и дымом, полетели в реку...

Следующую новую мину "привел в действие" Михаил Имас. В форме немецкого майора-связиста, с крестами на мундире, в сопровождении поляка Владислава Риньяка, облаченного в немецкую солдатскую форму, он появился на вокзале на станции Санок, пообедал там в ресторане для офицеров. Подошел состав. Все пассажиры ринулись на вокзал, офицеры в ресторан, солдаты в свой буфет. Имас вышел на перрон, поднялся в вагон для офицеров, занял свободное место в купе, разместил багаж, в котором находилась ТОС, и вышел из

вагона " подышать свежим воздухом". На привокзальной площади их ждала машина "оппель" с верным человеком за рулем. Прошло полчаса, и поезд подошел к тому месту, где находились Платонов и Павленко, готовые послать сигнал фиксированной частоты. Судьба этого немецкого эшелона с живой силой была предрешена. И подорвали его в "очень удобном" месте, на мосту, поезд после взрыва "кувыркнулся" с моста так, что целым вряд ли кто остался... А в четырех пассажирских офицерских вагонах направлялись на фронт немецкие летчики из резерва. Вот и "полетали"...

Г.К. - А обычные мины, скажем, с химическими взрывателями или колесными замыкателями, или мины - "маломагнитки", Ваши подрывники продолжали использовать?

Л.Б. - Да, мы не имели достаточно мин ТОС, и поэтому применяли весь свой "подрывной" арсенал. И довольно успешно. Подключили к этому делу поляков, они крепили "маломагнитки" к цистернам с горючим, и, зная от местных железнодорожников время отправления составов, действовали наверняка. Мы уже сами выбирали, что нам стоит подрывать, а что и можно пропустить. Только за первый месяц нашего пребывания в Польше, мы разными способами подорвали и пустили под откос 20 эшелонов противника. Наиболее сильная подрывная группа - Царенко, Имас, Данильченко, Риняк, Кикнадзе, Георгадзе, постоянно меняла и совершенствовала тактику подрывов, и особой "изюминкой" в их действиях было следующее - мы закладывали мины сразу в нескольких местах под рельсами. Под откос летел первый состав, но диверсанты хорошо замаскировавшись, не уходили с места подрыва. И когда из Санока, Добромиля или Самбора появлялся ремонтно-восстановительный поезд, или после того, как по уже отремонтированной дороге снова стучали колеса первого воинского эшелона - так сразу срабатывали "свежие мины". За две ночи эта группа на железнодорожных перегонах - Хыров - Кросценка - Устишки-Дольне подорвала четыре воинских эшелона и парализовала единственную железную дорогу, соединяющую Словакию (Братиславу) с Перемышлем, тем самым, полностью прервав снабжение немцев, державших оборону в районе Броды.

Г.К. - Наиболее важным боевым успехом Вашего отряда, считается обнаружение сверхсекретного учебного полигона для запуска ракет ФАУ-1, ФАУ-2 в Польше. Детали операции английской разведки по обнаружению и уничтожению ракетного полигона в Пенемюнде постепенно были опубликованы, но мало кто знает, что существовал еще один полигон в районе польского города Дембица, уничтоженный массированным налетом советской авиации, после того, как Ваш отряд нашел этот тайный полигон и передал его координаты в Центр. Как была проведена эта уникальная операция?

Л.Б. - Полигон для испытания ракет был создан немцами на территории Краковского воеводства в Польше, в районе западнее Жешува. Здесь, на берегу реки Вислока, между местечками Дембица, Сендзишув, Кольбашова и Мелец, гитлеровцы построили и тщательно охраняли новый испытательный полигон. Там были отлично замаскированные полевые аэродромы, подходили ветки железной дороги, а население ближайших сел было вывезено. По любому самолету, даже немецкому, который следовал по направлению к полигону, немедленно открывался зенитный заградительный огонь. Как мы узнали об этом полигоне? В июне 1944 года в отряд пришли два человека, бежавших из немецкого плена, сержанты: Сергей Ширяев и Андрей Чугуев. Они рассказали, что работали на строительстве какого-то секретного объекта. Каждую неделю из концлагеря, в котором они находились, немцы отбирали примерно 300-400 узников, и на машинах увозили на какие-то работы. Никто из этих групп назад в лагерь не возвращался. В один из дней, Чугуев и Ширяев, попали вместе с товарищами по несчастью в одну из таких отобранных команд. Их привезли на строительство полигона, они лично видели там "летающие торпеды" и их учебные запуски. Многочисленная охрана состояла из солдат войск СС и эсэсовцы не скрывали, что всем пленным скоро "капут". Бежать оттуда было просто невозможно. И когда работы были закончены - все пленники, за исключением похоронной команды, были сразу расстреляны.

Ширяев и Чугуев оказались среди "похоронщиков", но они прекрасно представляли, что их ожидает после того, как они заруют в землю сотни убитых тел своих товарищей по лагерю. Они договорились, что когда немцы начнут расстреливать похоронную команду, то они свалятся в яму при первых же выстрелах, а там уж как получится. Так и сделали. Как только немцы открыли огонь, Ширяев и Чугуев упали в общую могилу. Немцы торопились на ужин, и добивали раненых в спешке, всего лишь пару раз пройдя по телам автоматными очередями веером, стоя на краю ямы. С наступлением темноты, Ширяев и Чугуев выбрались из, еще незасыпанной землей, могилы для "похоронной команды", и где перебежками, а где ползком, углубились в лес. Голодные, оборванные и разутые, они бродили по лесным чащобам в поисках партизан, скрывались у поляков и снова уходили в леса. И когда их обнаружил наш дозор, то вчерашние военнопленные уже не могли сами ходить. В отряд их доставили на специально высланной телеге. Несколько часов ими занимался врач отряда, прежде чем они смогли более-менее внятно рассказать нам о себе, чем занимались и что видели в плену. Я понимал, что сведения, полученные от них, нуждаются в тщательной всесторонней проверке, как впрочем, и личности самих информаторов. Однако необычность полученных сведений, и их предполагаемая важность в случае подтверждения данных, заставили меня принять единственно правильное в тех условиях решение - доложить обо всем в Украинский Штаб Партизанского Движения (УПШД), и попытаться провести проверку и разведку района возможного расположения секретного объекта. Говорят, что пути Господни неисповедимы, но добавим от себя - и начальства тоже. Не будем гадать на кофейной гуще, как пересеклись мое донесение о полигоне и указание Верховного Главнокомандующего о необходимости разведать месторасположение этого объекта, но вскоре я получил из Центра шифровку, в которой мне приказывалось принять все необходимые меры для установления точного места дислокации полигона и характера боевой техники, которая там находится. В шифровке была использован такой речевой оборот - "Любой ценой, любыми силами..", и мне сразу стало понятно, что нашему отряду поручают задание, которое для начальства УПШД важнее, чем наша диверсионная деятельность. Совпадение или мистика, но как раз в эти дни произошли определенные события. Чтобы вам все стало понятно, я сейчас зачитаю пару абзацев текста из книги "Переписка Сталина и Черчилля в годы войны", том второй. Письма датированы началом июля 1944 года. Вот отрывок из текста совершенно секретного послания Черчилля: "-1. - Имеются достоверные сведения о том, что в течение значительного времени немцы проводили испытания летающих ракет с экспериментальной станции Дембице в Польше. Согласно нашей информации этот снаряд имеет большой заряд взрывчатого вещества, и действенность наших контрмер в значительной степени зависит от того, что мы сможем узнать об этом оружии, прежде чем оно будет пущено в ход против нас. Дембице лежит на пути Ваших победоносно наступающих войск, и вполне возможно, что Вы овладеете этим пунктом в ближайшие несколько недель. Хотя ясно, что немцы наверняка разрушат или вывезут сколько смогут оборудование, находящиеся в Дембице, но, тем не менее, все же вероятно, что можно будет получить много информации, когда этот район будет находиться в руках русских солдат. В частности, мы надеемся узнать, как запускается ракета, и это позволит нам установить места запуска ракет. Поэтому, я был бы благодарен, маршал Сталин, если бы Вы смогли дать надлежащие указания о сохранении той аппаратуры и устройств в Дембице, которые Ваши войска смогут захватить, после овладения этим районом, и если бы затем, Вы, предоставили нам возможность для изучения этой экспериментальной станции нашими специалистами"... Далее идет послание И.В.Сталина от 15/7/1944 с грифом "Секретно и лично премьер-министру г-ну У. Черчиллю", в третьем пункте которого говорится следующее "...Мы хотели бы исполнить Вашу просьбу относительно экспериментальной стнции в Дембице, если эта станция попадет в наши руки. Просьба уточнить, о каком именно Дембице идет речь, так как в Польше, говорят, есть несколько населенных пунктов под этим названием".. И тут нам пришлось хорошо подумать, как выполнить это задание. Мы, из рассказа Ширяева и Чугуева примерно представили, где нам надо искать закрытую зону. Об уничтожении секретного объекта своими силами мы не думали, судя по словам Ширяева и Чугуева, силы немцев, сконцентрированные на месте полигона, в несколько раз превосходили наши. Оставалось одно - определить тот квадрат

местности, внутри которого мог находиться полигон, и доложить наверх. Направили туда первую группу разведчиков. Исчезли бесследно. Пошла вторая группа - никаких вестей (уже позже мы узнали, что эту группу немцы частью перебили, а частью взяли в плен, и тем, кто был взят живыми, немцы отрубили головы..., зверство - как в средневековье). Уже на подступах к секретной зоне везде стояли фальшивые таблички с указанием городов "Варшава" и так далее, которое указывали на совершенно ложное направление. И тогда мы разработали оригинальный план действий - разведка веером.

Из числа надежных поляков было сформированы несколько разведгрупп, которые направлялись по всем железным, шоссейным и проселочным дорогам. Их задача состояла в том, чтобы проехать, пройти - как можно дальше, пока не остановят немецкие патрули. По пути следования замечать все необычное - новое строительство, огневые позиции, новые дороги, сооружения и так далее. А главное - запомнить название последней остановки, до которой они сумеют добраться. Одновременно разведчик Платонов вместе с Ширяевым с помощью местного поляка должен был пробраться в район Жешува, о котором упоминали беглецы, и разведать его. Через некоторое время разведчики стали возвращаться. Когда я нанес на карту пункты, где их путь обрывался, и соединил их линией, получился квадрат со сторонами - местечки Сендзешув, Каменица-Дольна, Пельзно, Чарна. Почти в центре - Дембица. Я не поверил собственным глазам и позвал начальника штаба Кабаченко: "Посмотри, Иван, что тут у нас получается...". Он долго всматривался, и, наконец, воскликнул: "В Дембице этот проклятый полигон, в Дембице!". Тайны местонахождения секретного полигона для запуска ракет ФАУ больше не существовало. А дальше полигоном занялась наша авиация. Прошло еще какое-то время и мы получили по радиации приказ - "Отряду Володи передислоцироваться к границам Восточной Словакии, и к двадцатому августа прибыть в район города Гуменне, конечный пункт - село Телеповце". Мы, по приказу, оставили польскую землю, и бесшумно пройдя рейдом по немецким тылам свыше 200 километров, вступили на территорию Чехословакии.

Г.К. - Ваш отряд принял активное участие в Словацком национальном восстании. Прочитал Вашу книгу "Люди из легенд", в которой Вы подробно описываете действия Вашего отряда на словацкой земле, в том числе беспримерный выход из окружения нескольких тысяч партизан с прорывом немецкой обороны 27/12/1944 на рубеже реки Лаборец, на соединение с частями 1-й Гвардейской Армии.

Л.Б. - В этой книге подробно описано все, что произошло с нашим отрядом во время Словацкого восстания. Если хотите, то можете опубликовать на вашем сайте главы из книги, посвященные боям осени 1944 года в тылу врага. А устный рассказ о тех днях займет долгие часы.

Г.К. - Вы почетный гражданин украинского города Смелы, польских городов - Санок, Кросно, Бещады и Перемышля, словацких - Гуменне и Кошаровце. Есть желание снова попасть в эти места, где прошла Ваша боевая молодость?

Л.Б. - Желание то есть, но вот позволит ли здоровье - не знаю... Восемьдесят семь лет - возраст далеко не юный. Но, конечно, хотелось бы еще раз попасть туда, в те места, где мы с товарищами сражались за свободу нашей Родины, и за освобождение славянских народов от гитлеровского ига. Положить цветы на могилы боевых друзей... На карте мира уже давно нет страны под названием СССР, но она еще существует в сердцах людей моего поколения. За эту страну мы воевали, за наш общий дом и за нашу свободу. И это - нельзя забывать никогда...

Интервью и лит.обработка: Г. Койфман